

**Дара
Преображенская
Последняя
Универсаль**

Дара Преображенская Последняя Универсаль

<https://litres.ru/74292077>

SelfPub; 2026

Аннотация

В книге увлекательно рассказывается о космических приключениях друзей-подростков. Книга была написана очень давно, но публикуется только сейчас. Автору рисовалось совсем иное будущее, чем то, которое происходит сейчас. Можно рассматривать, что все события происходят в параллельной реальности. 2026 год. Земля захвачена инопланетянами. Друзья-подростки после окончания очередного класса получили задание (в качестве практики). Описываются их взаимоотношения, первая любовь, путешествия на другие планеты. Рассказывается также, как они выходят из сложных жизненных ситуаций, какая трансформация происходит с ними в связи с открывающимися событиями. Книга будет интересна и подросткам, и взрослым, а также тем, кто не разучился мечтать и с оптимизмом смотреть на жизнь.

Содержание

Часть 1. День независимости	4
Глава 1. Вождь непокорившихся	4
Глава 2. Взрыв над городом	35
Глава 3. Убежище	62
Глава 4. Меркурий	90
Глава 5. Теодор Младший	117
Глава 6. Розовый дом с гуанаго	144
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Дара Преображенская Последняя Универсаль

Часть 1. День независимости

Глава 1. Вождь непокорившихся

Земля 2626 год

Артур Крейг производил впечатление сильного красиво-го мужчины довольно высокого роста с крепкими мускулами и стройным подтянутым торсом. Казалось, он был на голову выше своих соотечественников. И это при том, что шестнадцать часов в сутки, не считая времени на сон, он был занят исключительно умственным трудом — решал сложные и простые задачи, организовал штаб по борьбе с захватчиками-центурианами.

Центурион — одна из центральных планет одноимённой галактики, располагающейся на противоположном от Земли конце вселенной. Её обитатели отличались жёлтым цветом глаз, которые при абсолютной темноте светились красным

излучением, что придавало им некий зловещий вид. Ещё не так давно — всего несколько столетий назад они прилетели на Землю только лишь с дипломатическими миссиями, чтобы заключить с землянами мирный договор на поставку техники для очищения атмосферы Центуриона. Однако вскоре в результате неумелого бездарного управления царской династии землян, на Центурион стали направляться целые эскадры с природными ископаемыми, золотом, серебром и т. д., а вероломные центуриане во главе с Айроном — расчётливым коварным типом, заняли ведущие посты в правительстве Земли, окутав сетью интриг императорский двор. Никто не знал, почему королева Леминия 12 жаловала Айрона и вообще была благосклонна к центурианам.

Но сегодня — другой день, 11 июня 2626 года, победило Сопротивление, а высокомерные центуриане вынуждены были ретироваться и заползти в свои норы, ибо их замысел был раскрыт благодаря Артуру Крейгу и его верным людям. Что это значило? Это значило, что отныне поставки золота и алмазов на Центурион прекратятся; это значило, что теперь будут отмечаться дорогие землянам праздники, включая Рождество Христово и День Независимости; это значило, что исчезнут целые армии безработных землян, которые оставались не у дел из-за того, что в Департаменте по Трудом заседали одни центуриане; это значило, что на обложках известных журналов всё чаще и чаще будут мелькать лица землян, и, наконец, это значило, что в ресторанах и кафе бу-

дет готовиться еда, любимая землянами, а не эти отвратительные сырые мозги. Это был всего лишь первый шаг, но он был сделан, и сделан отнюдь не кровопролитием, а мирными путями.

Повсюду на улицах столицы Земли Ассинии раздавались победные возгласы: «Да здравствует Артур Крейг! Артур Крейг — наш предводитель! Долой Айрона и его прихвостней! Айрон убирайся с Земли!»

Это кричали верные Сопротивлению люди — истинные патриоты, и сердце Артура наполнялось нескрываемой радостью. Он смотрел на город и думал: «Скоро Ассиния превратится в райский уголок, и повсюду распустятся сады с причудливыми растениями с других галактик».

То время, когда люди строили свои дома исключительно на поверхности земли, давно кануло в прошлое ещё триста лет назад. Сейчас состоятельные горожане большей частью обустраивались в «воздушных бунгало», по форме напоминающие эллипсы, а со стороны похожие на огромные яйца с серебристым напылением. Они располагались прямо в воздухе и были оснащены всевозможными нехитрыми электронными устройствами вроде самораздвигающихся дверей со звуковыми механизмами или саморазворачивающихся кроватей со специальным обогревом.

Точно такие же бунгало принадлежали и коммерсантам, и являлись кафе, а также различными увеселительными заведениями с казино и дискотеками. Из-за этого над Ассини-

ей целыми днями звучала музыка, и кое-кто из горожан уже начал проявлять недовольство.

Доставляли жителей в их уютные гнёздышки специальные воздухолёты, и ими могли управлять даже неопытные дети. И как же было приятно нестись над столицей, созерцая её горящие вечерние огни! Лишить непослушного ребёнка этого удовольствия означало то же самое, что лишить его вкусно-го пирога с кремом каких-нибудь сто пятьдесят лет назад, и большинство родителей пользовалось подобным преимуществом цивилизации, основанной на робототехнике и «жидких кристаллах».

Единственная женщина во всей Ассинии, отдающая предпочтение старым вкусам, была королева. Её роскошный дворец в стиле позднего ренессанса находился за городской чертой и со всех сторон был окружён садами, галереями и великолепными парками с фонтанами и статуями. Каждый день здесь устраивались пышные приёмы с фейерверками и фуршетом, куда прибывали делегации с разных уголков галактики.

Артур Крейг окунулся в освежающие воды бассейна, с наслаждением проплыл несколько ярдов, едва касаясь дна. 40 лет — тот возраст, когда после длительных тренировок в манеже тело ощущает приятную негу расслабления, а усталости практически нет.

Предводитель Сопротивления гордился своей гладкой смуглой кожей, у него были ясные голубые глаза под густы-

ми бровями и волевой подбородок. Это красивое лицо было знакомо каждому землянину, так как его изображали практически на всех плакатах, развешанных везде по всей столице и других уголках Земли.

Артур Крейг вышел из бассейна, слуга-робот тут же подошёл к нему и набросил на стройные мокрые плечи махровый халат. После плавания Артур ощутил себя младенцем, заново рождённым, и все проблемы отошли на второй план. Он вдохнул полной грудью новую порцию воздуха, сел за стоявший рядом с бассейном стеклянный столик с фруктами, которые лежали в хрустальных вазах, и взял сочное зелёное яблоко, но не успел его откусить. На экране возникло лицо робота-камердинера в серебристом, облегающем фигуру комбинезоне.

— Прибыли послы с галактики Хатхор, — проговорил камердинер своим безразличным безэмоциональным тоном, как и остальные роботы.

«Как бы ни старались продвинутые изобретатели нашего времени, эти существа, состоящие из проводов и сложных микросхем, никогда не смогут почувствовать и доли того, что чувствуем мы — люди, — подумал вождь повстанцев, — Люди никогда не станут богами и не создадут подобных себе».

— Хорошо, Дэвид, я оденусь и приму их у себя.
Экран погас.

Но в тот же момент двери манежа распахнулись, и с даль-

него конца к нему стремительно направился довольно странный человек в серебристом комбинезоне солдата Сопротивления. На вид ему было около сорока, но голова его была наполовину седой. Хаотичные движения его рук говорили о природной активности ума и возбудимости характера, а также о склонности к проявлению бурных эмоций, нежели о практической терпимости и анализу.

В его правой руке был зажат скрученный рулоном номер «Последних Новостей», посвящённый победе землян. Ещё издали гость крикнул, обращаясь к полуобнажённому и мокрому лидеру Движения:

— Нет, ты это видел, дружище!

Он развернул газету, и Артур Крейг увидел на самой первой странице во всю полосу огромную голографическую фотографию. На ней он узнал себя рядом с королевой в приёмном зале дворца. Статья была напечатана на горящей полосе и называлась: «Королева Леминия отдаёт Священный Пояс предводителю лагеря землян».

— Командор, это — сенсация! По всей Ассинии вывешаны патриотические плакаты, жители собираются небольшими группами и скандируют: «Да здравствует Артур Крейг, земля свободна! Долой центуриан!» Ты слышал?

Командор покачал головой и выдавил улыбку:

— Мне сейчас не до этого, Густав. Получение Священного Пояса, как тебе известно, накладывает большую ответственность на мои плечи, и с каждым днём я ощущаю её.

— И всё же, как тебе удалось убедить королеву повернуться лицом к своим соотечественникам?

— Я просто предоставил ей информацию о курсирующих на Центурион кораблях, нагруженных золотом и земными ископаемыми. Густав, королева отнюдь не глупая женщина, просто очень доверчивая. И наверняка, Айрон в своё время склонил её на свою сторону. Этот центурианин — хитрая bestия. Но теперь ему, скорее всего, придётся убраться с Земли.

Тот, кого называли Густавом, бросил взгляд на стеклянный столик с фруктами. Как раз в этот момент подошёл слуга с подносом, наполненным бутербродами с рыбой, но командор дал ему знак удалиться.

— Спасибо, Мишель, я не хочу. Отнеси их в дом и поставь в гостиную.

Однако Густав задержал собиравшегося уже уходить слугу.

— Постой, я так голоден, что, кажется, сейчас съел бы целого быка и не одного.

С этими словами первый помощник командора генерал Густав Милер подхватил поднос и поставил его обратно на столик, взял самый большой на его взгляд бутерброд и откусил почти половину.

— Этим, конечно, не наешься, но подкрепиться можно.

Угадав иронию в лице своего напарника, Густав произнёс всё тем же насмешливым тоном:

— Ты же знаешь, еда — моя слабость, и я считаю, что наслаждение пищей — одно из самых высших удовольствий, какие Бог предоставил человечеству, если он, конечно, существует.

— А как насчёт чревоугодия?

Густав поморщился:

— Это совсем не грех, а заблуждение людей. Мы слишком стыдимся своих маленьких слабостей, во всём стараюсь подражать роботам. Но ведь они — машины — порождение человеческого интеллекта и ничто более того.

Артур Крейг как будто что-то вспомнил.

— Хорошо, я согласен с тобой, но сегодня в этот праздничный день ты должен помочь мне принять делегацию с цивилизации Хатхор. Скорее всего, в качестве наших союзников они прибыли сюда, чтобы поздравить нас.

Милер махнул рукой, наконец расправившись с бутербродом:

— Ладно, всё будет на высшем уровне, и потомки египтян останутся довольны. Ты и так больше всего печёшься о благополучии государства, на мой взгляд, королева наряду со Священным поясом должна была вручить тебе и корону.

Командор приставил палец к губам:

— Тише. Как говорится, и у стен имеются уши. Я не удивлюсь, если узнаю, что Айрон снабдил весь город подслушивающими и подглядывающими механизмами. Но, тем не менее, мы должны быть осторожными, никогда не следует те-

рять бдительность, даже если всё вокруг кажется спокойным. Кстати, ты видел, где Олимпия?

— Твоя дочь целыми днями пропадает с верным ей слугой нубийцем Александром. Кажется, сейчас в это самое время они за чертой города на побережье Океана. Твоей дочери вдруг вздумалось нырять за останками затонувшего корабля с созвездия Мэри, только из-за того, что они якобы напоминают перламутровые раковины гигантских моллюсков.

— Она всегда бредила загадочным, непонятным, и как ни странно, но я совсем за неё не беспокоюсь.

— Только пообещай мне, что после всех этих пышных приёмов делегаций и ненужных церемоний мы устроим у тебя грандиозное застолье. Твоя жена Сильвия — отличный кулинар.

— Тем более, она специально обучалась у виднейших поваров со всего мира, — командор махнул рукой и улыбнулся, оголив свои белые зубы, совсем как у ведущих голливудских актёров, — Ладно, твоё желание исполнится намного быстрее, чем ты думаешь.

— И там будут знаменитые креветки, нафаршированные водорослями с Большого Солёного Моря на Меркурии — коронное блюдо, которым в прошлый раз ты удивил королеву во время очередного приёма по поводу визита марсиан?

— Так тебе они, оказывается, понравились?

Милер кивнул, расправляясь уже со вторым бутербродом.

— Конечно, если ты помнишь, тогда я съел всё, что было

подано, пренебрегая этикетом.

...Представители цивилизации Хатхор считали себя потомками древних египтян, некогда обитавших на Земле. И надо сказать, считали не без оснований. Свою цивилизацию они называли именем египетской богини Хатхор — покровительницы мудрости, наук и искусства. Она изображалась в виде девушки, одетой как жрица с распростёртыми к небу руками.

Послы носили юбки из позолоченной ткани, на голове каждого был золотой шлем в форме пирамиды. Артур знал, что царь, называвший себя фараоном Амон-Раа 58 вместо обычного шлема носил знак царской власти — золотой урей, украшенный обвившейся вокруг головы коброй. Все дома и здания они, как и их земные предки строили в виде пирамид, а на центральной планете цивилизации Исида существовал по слухам точно такой же, как и на Земле, пирамидальный комплекс, состоящий из трёх пирамид: Хеопса, Хефрена и Микерина. И назывался этот комплекс точно так же, как и его земной аналог. Насколько были правомочны данные слухи, Артур не знал, но в ближайшем будущем он собирался посетить Исиду, чтобы увидеть всё собственными глазами.

Внешне жители цивилизации Хатхор выглядели точно так же, как и их древние предки из династии богов, как они себя называли. У них была смуглая кожа, и даже не смуглая, а именно бронзовая, что отличало их от остальных представителей разумного космоса. По цвету кожи они могли опреде-

лить точно, является ли её хозяин подданным богини Хатхор или нет. Черты их лиц были чисто арабскими: большие миндалевидные карие глаза, которые окаймлялись чёткими чёрными дугами бровей. Их походка была плавная и мягкая, как у диких пантер, готовящихся к прыжку. Тем не менее, они были дружелюбны по отношению к землянам.

Приём гостей проходил в большой, выложенной позолоченными плитами, зале с огромным экраном в центре восточной стены. Артур Крейг сидел спиной к экрану на таком же, как и потолок позолоченном кресле-троне, позади него стоял Густав Милер, с интересом наблюдая за происходящим — ему казалось, что он принимал участие в некоем спектакле в качестве одного из действующих лиц этого спектакля.

«Посмотрим, что же будет дальше. Они ничего не делают бескорыстно, мы достаточно наслышаны об их расчётливости, и если Амон-Раа велел своим послам прибыть на Землю, значит, что-то произошло не в пользу их цивилизации», — рассуждал Густав, до поры до времени предпочитая держать свои мысли при себе.

Чуть поодаль стояли помощники во главе с главным церемониймейстером Родригесом. Вообще-то в его функции входило вести любые церемонии: празднества, торжества, приёмы, особенно если на них присутствовали гости вне пределов Земли, прибывшие сюда с разных галактик. Но Родригес вскоре почувствовал, что суэта его становится и бес-

полезной, и лишней, что командор с первым помощником Густавом Милером вполне успешно справляются без него, и это заставило главного церемониймейстера быстро ретироваться и со стороны наблюдать за происходящими событиями. Вот почему он был зол, но не показывал своего настроения, боясь лишиться работы.

Большие позолоченные двери залы автоматически распахнулись, и вошли одетые в золотые одеяния загорелые воины, вооружённые лазерными прикладами. Они несли уложенные в ящики дары со своей планеты. Это были, в основном, слитки красного и чёрного золота, в изобилии добывавшиеся на Исиде и других планетах галактики Хатхор. В последнем ящике несли золотую статую богини Исиды с тонкой талией и покатыми бёдрами — верхом красоты для египтян.

Среди даров было несколько сундуков, до верху наполненных женскими украшениями из золота, серебра, алмазов, изумрудов, рубинов и жемчуга.

Один из сундуков был наполнен украшениями из слоновой кости, ибо слоны, вывезенные некогда с центральной Африки, чтобы спасти их немногочисленную популяцию, считались основным животным видом на планетах галактики Хатхор. В других ящиках были тщательно уложены плоды, собранные с плодородных дикорастущих садов Исиды: огромные персики размером с человеческую голову, бананы, финики и ещё какие-то неизвестные на Земле экзотические фрукты.

Когда, наконец, последний ящик с богатыми подношениями с Исиды был внесён в залу, вошли три посла в красивых нарядах в сопровождении свиты, также нарядно одетой. В свите присутствовали рабы, ибо на Исиде и других планетах галактики Хатхор сохранялся всё ещё рабовладельческий строй, перенятый от древнеегипетских предков с Земли. У рабов была чёрная кожа, но в отличие от земной негроидной расы цвет их волос был ярко-красным. Артур Крейг слышал, что рабы были выведены на самой Исиде в результате экспериментов. Их биотехнологии хранились в тайне от всех, но они были достаточно на высоком уровне.

Командор взглянул на послов и лёгким кивком головы дал понять, что они могут приблизиться. Одного из послов он знал, потому что этот хаторянин уже не в первый раз участвовал в составе делегаций с Исиды. Его звали Рамон, он выглядел гораздо старше своих товарищей и пользовался особым доверием фараона.

Артур переглянулся с Милером, как бы говоря своему напарнику: «Ну, что ж, сегодня следует быть настороже. Египтяне не так просты на самом деле».

Первым заговорил Рамон, видя, что земляне ждут.

— Почтенные, фараон трёх миров и трёх царств Амон-Раа 58 приветствует вас и шлёт свои дары, — посол поклонился.

— Мы благодарим владыку трёх миров и трёх царств за его дары, — ответил Артур Крейг.

— Владыка надеется, — продолжал посол с Исиды, — досточтимая королева окажет политическую помощь и защиту своим друзьям.

— Неужели вашей галактике что-то или кто-то угрожает?

— Увы, ваши враги отныне считаются и нашими. За последние двести лет границы галактики Хатхор достаточно ослабли, и требуются дополнительные силы, чтобы оказать сопротивление.

— Так вам угрожают центуриане?

— Да, господин. Мы не можем допустить, чтобы галактика Хатхор с нашей культурой и технологиями канула в лету, превратившись в развалины.

— Но почему владыка Амон-Раа предпочёл обратиться ко мне, а не к королеве? Не думаю, чтобы она отказала ему в защите, учитывая её великодушие.

От командора не укрылось то, как сверкнули глаза посла, будто у дикого ястреба, однако выражение его лица продолжало сохраняться каменным и неприступным. Так обычно происходит с людьми, желающими скрыть свои мысли.

— Дело в том, — произнёс посол, тщательно подбирая каждое слово, — что королева в последнее время стала больше доверять центурианам. Владыка не сомневается в её великодушии и симпатии к подданным богини Хатхор, однако нам нужны полные гарантии нашей безопасности.

— Землю раздирают страсти, и нам едва удаётся отстоять свои позиции, и всё же передайте фараону, что земляне

всегда готовы предоставить убежище своим ближайшим соседям. Я могу дать такую гарантию, и вот она, — с этими словами лидер Сопротивления снял с безымянного пальца левой руки перстень с большим алмазом в золотой оправе и протянул его послу Рамону.

— Этот перстень играет роль охранной грамоты. Человек, владеющий им, не встретит препятствий со стороны властей на планете Земля.

Посол внимательно рассмотрел алмаз, такой чистоты камней он ещё ни разу не видел.

— Чтобы понять, как он действует, прошу Вас, слегка надавите на камень, — пояснил командор, в то время как посол надел перстень на мизинец.

Он сделал так, как просил командор. В воздухе из ничего тотчас же возникла движущаяся голограмма, изображающая командора, сверху из люминесцирующих букв высветилась надпись: «Земля приветствует вас».

Изображение было полупрозрачным, будто ты входил невольно в мир призраков и мог воочию созерцать их. Через несколько секунд голограмма свернулась в точку.

— Благодарю вас за понимание и участие от имени фараона и всего народа цивилизации Хатхор. Заверяю вас, что земляне всегда могут рассчитывать на поддержку с нашей стороны, — посол поклонился.

То же самое сделали и остальные участники делегации.

— Фараон Амон-Раа в качестве особого подношения от

себя лично просит вас принять самую красивую рабыню Исыды, — Рамон хлопнул три раза.

Тотчас двери приёмной залы раскрылись, и четыре мускулистых раба-нубийца внесли золотые носилки под балдахин. Сквозь покрывало из тонкого газа Густав Милер едва различил тонкий стан, обхваченный золотым обручем, длинные чёрные волосы, уложенные в замысловатую причёску. Дуги бровей окаймляли большие глаза, чуть прикрытые длинными густыми ресницами.

Одним движением руки Рамон сбросил на пол тонкий газ покрывала, и перед землянами предстал обнажённая девушка. У неё была бронзовая кожа, соски её чашеобразных груди были окрашены в красный цвет, с шеи спускалось алмазное ожерелье, которое доходило до самого пупка. Алмазы были искусно вплетены в её волосы и ярко блестели, отражаясь в золоте стен и потолка.

— Гм, — Артур встал, смущённо переминался с ноги на ногу, — прошу прощения, — сказал он, обратившись к послу, — Но я не могу принять этот дар. Дело в том, что, во-первых, на Земле давно нет рабовладения, мы свободны от подобных предрассудков, потому что считаем, что свобода — это самое ценное, что есть у человека в мире. Во-вторых, я женат, и у меня прекрасная семья. Господин посол, не поймите мой отказ превратно, я вовсе не ханжа, но, приняв такой очаровательный подарок от всеславного правителя Хатхор, какой пример я подам своим соотечественникам?

— Господин командор, — поспешил ответить Рамон, — это, к сожалению, невозможно, ибо вернуть подаренную рабыню, значит, оскорбить фараона. Увы, таковы обычаи в нашем государстве.

— Так что же будем делать?

Во время возникшего между двумя сторонами замешательства, Милер вышел вперёд, подошёл к балдахину и ещё раз взглянул на не находившую себе места рабыню восхищёнными глазами.

— Кажется, я знаю, как разрешить данную ситуацию, — сказал он, — Она мне очень нравится. Командор, оставь её со мной.

— Ну, что ж, если нет другого выхода, пусть она остаётся у тебя, — Артур Крейг улыбнулся.

Экран снова замерцал, и через мгновение присутствующие увидели стройную блондинку в длинном ляпистом японском халате. Позади неё был виден уютный интерьер гостиной. Лакированный стол ещё не был накрыт, но на нём уже стояли две большие хрустальные вазы с фруктами и несколько бокалов с вином. Слуги были заняты на кухне приготовлением салатов, которые являлись необходимым составляющим любого торжественного ужина, посвящённого какому-либо событию.

— Дорогой, я давно жду тебя, и гости скоро приедут. Увы, королева извинилась, что не сможет участвовать в ужине, хотя я рада, что он пройдёт в обстановке твоих близких дру-

зей. Я начала беспокоиться. Ты скоро придёшь? — блондинка отпила несколько глотков из бокала, там за окном горели огни воздушных бунгало Ассинии.

Город не желал погружаться в сон, город ликовал.

— Милая, ты зря волнуешься за меня. Я скоро буду. Ах, да, совсем забыл представить тебя своим многоуважаемым гостям.

Артур обратился к делегатам с Исиды.

— Знакомьтесь, это — моя жена Сильвия.

Рамон вышел вперёд и поклонился.

— Кстати, дорогой, ты не забыл, что сегодня намечается ужин в честь победы «Движения»? Если нет, каковы будут твои распоряжения насчёт меню?

— В этом деле я полагаюсь всецело на тебя.

— Обязательно приготовь креветки с водорослями с большого Солёного Моря, — вставил Густав Милер, — ты знаешь, это одно из моих любимых блюд.

— Разумеется, всё самое лучшее для друзей моего мужа. Я жду тебя, дорогой.

Командор взглянул на послов, когда экран, наконец, погас.

— А вы не присоединитесь ли к нашей трапезе? Буду очень рад.

— Просим извинения, — произнёс Рамон, — но сейчас у нас пост, и мы не можем нарушить священный праздник Исиды.

— Понимаю, понимаю, — кивнул командор, развёл руками, — Что ж, очень жаль.

Гости удалились, сев на свой воздухолёт в форме пирамиды, через каких-то пол часа взмыли в воздух, чтобы выйти на орбиту, ведущую к галактике священной Хатхор.

— И каково же твоё впечатление? — спросил Артур, когда они остались наедине (носилки с прекрасной рабыней были унесены в покои Густава Милера).

— Послушай, я бы не удивился, если б при подходящем случае они переметнулись на сторону жителей планеты Центурион. Сегодня эти дальние потомки египтян были подозрительно щедры и услужливы, но их взгляды говорили сами за себя.

— Взгляды?

— Ну, да. Ты видел, как смотрел на тебя этот Рамон? Будто стрелял из лазерного автомата. Я их насквозь чувствую.

В залу вошёл слуга-шейцар, везя на подносе вино и бокалы.

— Ты не желаешь? — спросил командор.

Милер поморщился:

— А, впрочем, почему бы и нет? Хорошее вино укрепляет тело.

Он пригубил. Огненная жидкость сразу же распространилась по крепкому ещё организму.

— А ты?

— Думаю, мне будет лишним, тем более, впереди торже-

ственный ужин. Хотя больше всего на свете я желал бы сейчас уснуть и полностью забыться.

«Слава командору — легендарному Артуру Крейгу!» — раздавалось снизу среди городских огней Ассинии.

— Здорово мы утёрли нос этому выскочке Айрону!

Артур вздохнул:

— Центуриане очень мстительны. Мне следовало дать указание Александру не улетать с Олимпией слишком далеко. И потом, они давно должны были возвратиться назад, но их нет.

— Я больше чем уверен, что с ними ничего не случится. Александр слишком сильно привязан к твоей дочери, поэтому, между ними установилась взаимная симпатия.

— Удивляюсь, почему он отдал себя в добровольное рабство, отказавшись от свободы.

Милер пожал плечами:

— Не знаю, но мне кажется, едва ли во всём мире найдётся кто-нибудь, кто был бы предан тебе больше, чем он. Едва ли можно найти человека свободнее Александра.

— Я не понимаю.

— Люди, подобные Александру, делают только то, что согласуется с их внутренними убеждениями. Именно это отличает их от бездумных рабов, и я не считаю, что он — раб.

— Он — мой друг, — произнёс командор, — и друг Олимпии.

Артур подошёл к окну воздушного бунгало и посмотрел

вдаль на полосы алеющего заката, тонущего в сизых вечерних облаках.

«Прожит ещё один день», — подумал командор.

* * *

...В гостинной стояли накрытые столы, но, казалось, на них никто не обращал внимания — хозяева были заняты встречей гостей, ежеминутно прилетающих на своих роскошных воздухолётах. Это были, в основном, приближённые командора, люди из его эскадры, а также доброжелатели и друзья с Меркурия, Марса и соседних галактик, таких как Мэри, Гарбус, Гамма. Все они ненавидели Айрона и всё, что было связано с Центурионом, зная коварство и злобу её коренных жителей. Они также были уверены в мягкотелости королевы и не связывали никаких надежд с троном. Многие, среди которых был первый министр Марса Лайлек, носили военную форму с эмблемой Сопротивления.

Представители галактических империй отличались друг от друга цветом волос, свойственных той планете, где они жили: от фиолетовых до бледнозелёных, строения кожи (у марсиан она была, например, красноватого оттенка, а у «гарбусцев» — с жёлтыми полосами на лбу). Тем не менее, их объединяло общее дело.

Лишь гурман Густав Милер — первый помощник командора сидел за столом и уплетал бутерброды с креветками.

Отовсюду раздавалась музыка, сегодня это была классика, так полюбившаяся Лидеру Сопротивления. «Электронные звуки — ничто в сравнении с живой мелодией», — любил повторять он.

— Перестань, наконец, есть, а лучше поздоровайся с марсианином Лайлеком. Он, кажется, хочет с тобой кое-что обсудить или вступить в полемический спор.

Милер поднял голову. Командор склонился над ним с бокалом вина. На нём был неизменный серебристый комбинезон с эмблемой «движения».

— Не люблю полемику, а также спор. Это ничего не даёт кроме дурацкого ощущения, что ты снова «сел в лужу» или тебя намеренно посадили в неё, — буркнул первый помощник.

— Кстати, куда ты определил свой «драгоценный подарок»?

— Он у меня, если ты имеешь в виду рабыню с Хатхор. Кстати, спасибо, что позволил взять её. Неужели ты не жалеешь, что отказался? Ничего не говори, мне с трудом верится в это.

Артур допил остатки вина из бокала, улыбнулся, как бы со стороны наблюдая за неловкостью своего друга.

— Мне дороже моя семья, и я считаю, что Сильвия ничем не хуже этой рабыни. Она так же молода и красива, как она.

— Обсуждаете дальнейшие политические планы? — к столу подошло довольно интересное существо — это был

представитель с Юпитера большеголовый с жёлтой кожей в мелкую крапинку сержант Юлиус, — Движение Сопротивления становится не только земным явлением, но и галактическим. Артур, Вы способны заражать всех своим энтузиазмом!

Крейг энергично кивнул:

— Я рад, что борьбу поддержали и наши братья по разуму, а также наши соседи. Лишь вместе друг с другом мы — реальная сила, способная изменить мир к лучшему.

Где-то вдалеке раздался хлопок, и по всему небу во все стороны разлетелся разноцветный красочный фейерверк. Гости почти одновременно издали вздох восхищения. Кто-то в дальнем конце залы захлопал в ладоши. Его поддержали остальные.

— Да, — согласился сержант Юлиус, — вместе мы — реальная сила. Этот фейерверк скрепляет наше Космическое Содружество.

Артур совсем не заметил, как Сильвия подошла к нему сзади и, обняв за плечи, шепнула на ухо:

— Ты не видел Олимпию?

— Она в Океане вместе с Александром возле скопления доисторических раковин. Помнишь, когда-то и мы туда летали?

— Помню, дорогой, но уже приближается ночь.

Командор поцеловал ладонь жены:

— Не беспокойся. С ней же преданный Александр, он не

даст в обиду нашу дочь.

* * *

...Оранжевый диск Солнца уже успел спрятаться за тучи, отразившись в воде. Океан жил своей собственной жизнью, и, казалось, спешил всем сообщить, что он — полноправный гражданин планеты Земля. Острозубые скалы, кое-где покрытые мхом от постоянной влаги, выставлялись из-под воды, словно сказочный замок, но это лишь в том случае, если твоё развитое воображение напоминало тебе о различных сказочных событиях.

Девочка лет двенадцати в серебристом комбинезоне, по цвету и глянцу напоминающим чешую амфибии, скользнула вдоль камней и снова нырнула вглубь подводного «замка». То, что её так сильно привлекало, находилось на самом дне Океана, как раз в том месте, где были видны остроконечные обрубки скал.

Это были огромные перламутровые раковины, которые переливались в воде всеми оттенками радуги. Она любила бывать здесь с того самого дня, когда её слуга и телохранитель Александр впервые показал ей это место. Это случилось всего год назад, но она уже успела сочинить вполне правдоподобную историю о том, что несколько тысячелетий назад сюда прилетали добродушные инопланетяне с вымышленной галактики и оставили здесь свои дары для будущих

потомков. Они, конечно, были высокими, сильными, красивыми и свободными. Тут же на скале сидел чернокожий человек с большими карими глазами в красной набедренной повязке с большим амулетом из красного золота на стройной смуглой груди. Амулет висел на толстой цепи, он представлял собой вырезанный из золота круг, разделённый на две половины. В первой было изображено Солнце с многочисленными лучами, расходящимися в разные стороны. Во второй — орёл, готовящийся взлететь высоко в небо.

Темнокожий человек дорожил этим амулетом, потому что он был подарен ему самим Артуром Крейгом. Это случилось тогда, когда он бездыханную девочку вынес из воды. Девочкой была Олимпия, едва не утонувшая во время шторма в Океане пять лет назад. Удивительно, но она совсем не боялась плавать, хотя после такого другой «нормальный» ребёнок давно бы избегал воды.

Там на берегу стоял воздухолёт — новенький, оранжевый, ожидая, что эти двое, наконец-то, полетят обратно. Негр с тревогой посмотрел на волнуемую лёгким ветром гладь Океана.

— Мисс Олимпия! Где Вы? Мисс Олимпия! Сейчас же выплывайте, иначе Ваш отец будет недоволен Вами.

Он уже собрался разбежаться и прыгнуть в воду, как откуда-то из-под скалы выплыла девочка, помахала ему своей изящной детской ручкой:

— Но ты ведь ничего ему не расскажешь, Александр! —

сказала она, подплыла совсем близко и подставила маленькую ладонь, — Смотри, что я нашла.

На дне ладони красовалась миниатюрная жемчужина.

— Где Вы это нашли?

— Там, под гигантскими раковинами. Их очень много, и они напоминают слёзы.

Олимпия коснулась знака на груди телохранителя.

— Почему ты до сих пор носишь символ Алехандро? Неужели он слишком много значит для тебя?

Чернокожий телохранитель кивнул, при этом выражение его карих глаз стало совсем иным — как будто в них зажёгся невидимый огонёк.

— Его подарил мне Ваш отец в годовщину гибели Св. Алехандро. Он принадлежал моей расе и был прославленным воином.

— Св. Алехандро?

— Он погиб за освобождение Земли в 2126 году. Ваш отец считает его своим предшественником.

— И ты тоже так считаешь?

— Раньше я был отчаявшимся человеком, потому что потерял свою семью. Но здесь я приобрёл её снова.

— У тебя была семья?

— Я воспитывался на Сатурне у приёмных родителей. Затем их продали в рабство в галактику Церес, а я сбежал.

— Но как же ты вновь оказался на Земле?

— Я тайком сел на звездолёт и улетел, тогда я был ещё

глупым мальчишкой.

Олимпия положила найденную на дне жемчужину в нагрудный карман комбинезона.

— Мисс Олимпия, мне нужно доставить Вас обратно домой.

— Сегодня там будут взрослые, которые снова начнут обсуждать свои скучные проблемы. Может, прокатимся по Ассинии?

Александр отрицательно покачал головой.

— Я отвечаю за Вашу жизнь.

— Глупости! Ну, хорошо, если ты такой непреклонный, тогда догони меня. Давай устроим соревнование! Кто первым доплывёт вон до той бухты, тот и выиграл.

Олимпия показала на удалённую бухту, где с силой плескались волны, оставляя белые плевки на изумрудной поверхности воды.

— И Вы полетите обратно, если я выиграю спор? — спросил Александр.

— Конечно. Но сначала ты должен сделать это. Не забывай, что Океан — моя родная стихия.

Она оттолкнулась от камней, нырнула под воду и вынырнула на расстоянии в несколько ярдов от каменных выступов.

— Догоняй! — крикнула она уже издалека.

Мощная фигура Александра прыгнула в воду, окунувшись во множество брызг. Спустя каких-то пять минут он

был уже на гребне волны. Низко над головой пролетели две чайки, но тут же взмахнули крыльями и оторвались от водной глади.

— Быстрее! Быстрее!

Где-то совсем рядом с ними проплыла стая дельфинов, и Олимпия махнула им рукой. Они поприветствовали её бурными всплесками. Закат на востоке становился ещё ярче, ещё краснее.

Недалеко от бухты Александр поравнялся с Олимпией, обогнал её и вышел на берег. Девочка последовала за своим телохранителем, несмотря на сильное желание поплавать ещё немного в освежающих водах Океана. Она отжала длинные чёрные волосы, села на оголённый камень, обхватила колени руками.

— Может, проплывём обратно до воздухолёта? — предложила Олимпия.

— Нет, я лучше вызову его сюда.

Александр нажал на кнопку пульта управления, посмотрел в темнеющее вечернее небо с первыми точками звёзд, где вскоре появился воздухолёт, направившийся в сторону пловцов. Олимпия внимательно проследила за полётом машины и удручённо вздохнула.

— Там в городе столько огней, там поют песни, а в воздухе постоянно слышна музыка. Мне совсем не хочется возвращаться. Сейчас ма расстроится по поводу моего долгого отсутствия, а отец скажет Тине, чтобы она читала мне сказки

перед сном. Я не хочу спать, но мне придётся подчиниться, потому что они взрослые.

— Ваши родители желают Вам добра.

— Я и не сомневаюсь в этом, просто взрослые не всегда понимают, как нам, детям, бывает порой одиноко. Они разложили нашу жизнь по полочкам и думают, что так и должно быть.

Как истинный джентльмен Александр открыл дверцу воздухолёта, хотя по желанию запускалась автоматика, но он предпочитал это делать сам лично.

С важным видом Олимпия взгромоздилась на мягкое сиденье, позволив телохранителю сесть рядом с собой. Через несколько секунд оранжевый воздухолёт взвился над Океаном, двинулся в сторону мерцающих городских огней Ассинии. Словно большие насекомые, разноцветные воздухолёты сновали туда-сюда уже непосредственно над самим городом, а сегодня в День Независимости люди «сошли с ума» — во-круг царила суeta и необычное оживление.

— Скорее всего, мой друг Густав будет уплетать креветки, а весельчак Ги, не обращая ни на кого внимания, начнёт смеяться и барабанить пальцами по столу.

Олимпия проследила взглядом за удалявшимся синим воздухолётом с компанией подвыпивших незнакомых молодчиков. Мимо пролетела ещё парочка машин.

— А может, залетим в ближайшее кафе и закажем себе по порции мороженного?

— Ваш отец будет сердит на меня, — возразил Александр.

— Ты прекрасно знаешь, что командор никогда не сердится и уж тем более на тебя.

— Да, — согласился Александр, — но он беспокоится ввиду Вашего долгого отсутствия, а я не хотел бы огорчать Вашего отца.

— Ты очень предан отцу.

— Ваш отец — сильный и мужественный человек, я мечтаю стать таким же, как он.

— Но ты тоже сильный и мужественный.

— Ваш отец — живая легенда, лидер. Я мало встречал подобных ему.

— И даже на Сатурне?

— И даже на Сатурне.

— Однажды я была на Сатурне во время каникул, мне показалось, там слишком сильные ветры, и люди какие-то очень серьёзные.

— Сатурн — особая планета. К счастью, там уже нет рабства.

— А ты не пытался найти своих приёмных родителей?

— Они живут в резервации на одной из планет галактики Церес и не горят желанием возвращаться обратно на Землю. Зато здесь у меня много друзей.

Впереди показалось двухэтажное бунгало командора, и уже из воздухолёта Олимпия заметила, что на балконе стоят гости с бокалами вина и вглядываются в совершенно круг-

лый блин Луны, всё чётче и чётче проступающий на небе.

Глава 2. Взрыв над городом

«Настоящее исчезает, а будущее остаётся с тобой».

(Странник из Ассинии)

...Весельчак Ги — командующий военно-космическим флотом Земли намазал щедрую порцию паштета на аккурат-но-нарезанный кусок хлеба, откусил немного и протянул сидевшей на его коленях Олимпии.

— Угощайся, красotka. Старина Ги знает толк в паштетах.

Это был подтянутый человек в военной форме с коротко стриженными седыми волосами, маленькими голубыми глазками, в которых всегда читалась искра задора и некоторого лукавства, и смешным носом в форме картошки.

Олимпия дожевала бутерброд и улыбнулась в ответ на улыбку Ги.

— Вкусно?

— Угу.

Увлёкшись болтовнёй со старым другом, она совсем не заметила, как к столу подошла Сильвия. На ней было бархатное фиолетовое платье, облегающее её стройную фигуру, белокурые волосы были уложены на затылок. Она обняла дочь и посмотрела на неё.

— Я думала, что Александр вообще решил не привозить тебя домой. Кстати, где он?

— В ангаре проверяет воздухолёт. Но Александр не виноват, это я задержала его на побережье.

— Мы с отцом очень беспокоились за тебя, мне кажется, центуриане найдут возможность отомстить нам, — Сильвия поцеловала дочь в щёку, — В следующий раз не задерживайся, дорогая. Но только что ты сейчас скажешь своему отцу?

Командор протянул Олимпии руку и увлёк её за собой. Заметив возвратившуюся с прогулки дочь, он, пройдя через гостиную, тотчас очутился рядом с ней.

Олимпия вздрогнула — ей было стыдно, что она явилась причиной беспокойства родителей. Мысленно она пообещала себе больше никогда не повторять подобного.

Когда они оказались вдвоём в совершенно пустой комнате с большим плоским экраном во всю стену, командор снял с шеи чёрную фигурку глянцевого квадрата на тонком кожаном шнурке и надел её на шею Олимпии.

— Что это?

— То, что сможет уберечь тебя от опасности, ведь я же не всегда буду рядом.

Последние слова заставили сердце Олимпии учащённо забиться.

— Почему ты говоришь об этом?

— Но я и правда не смогу быть всегда рядом с тобой и при случае уберечь от беды.

— Разве может произойти что-то плохое?

— Конечно нет, просто мне будет спокойнее.

— Папа, почему королева не пришла на нашу вечеринку?

— Тебя действительно это интересует?

— Меня интересует всё, что интересует тебя.

— У королевы свои дела, она извинилась, но завтра я расскажу ей кое о чём, и она сразу же изменит мнение об Айроне.

— Значит, ты что-то знаешь?

Командор кивнул.

— Да. Сегодня мне бы не хотелось говорить о делах.

Внезапно люминисцирующий экран осветил внутреннее убранство комнаты. На фоне тёмно-синего звёздного неба он выглядел огромным ярким пятном. Город и не собирался готовиться ко сну.

По ту сторону экрана на них смотрел приземистый человек с устрашающе жёлтыми зрачками глаз, из которых исходило красноватое свечение, так свойственное центурианам. Позади него можно было разглядеть овальную комнату с абсолютно белыми стенами, плавно переходящими в потолок. Судя по виду, это было тоже воздушное бунгало, находящееся где-то ближе к западной окраине Ассинии, далее располагалась резиденция королевы, которая занимала обширные площади на суше, и состояла из многочисленных дворцов, арок и бассейнов, окружённых ухоженными фруктовыми садами.

Человек с жёлтыми зрачками презрительно усмехнулся. Много раз Олимпия видела это наглое лицо, обрамлённое

тёмными густыми волосами, с экранов телевизоров, ручных миникомпьютеров, почти каждую неделю передавали репортажи, где этот человек был в центре внимания. Ему рукоплескали миллионы (в основном, центуриане, но находились и единицы чистокровных коренных жителей Земли). Он всегда был с иголочки одет в форму «Военной Коллегии Земли» — пиджак и брюки цвета морской волны с погонами и «фирменным знаком» в области нагрудного кармана. Знак изображал эллипсовидный звездолёт, изготовленный на Центурионе, и Землю. Этим человеком никто не мог быть кроме Айрона. Да, это был Айрон! Вездесущий, всезнающий и в то же время неуловимый Айрон, которого так ненавидели все, кто принадлежал к лагерю Сопротивления.

— Отдыхаешь? — проямлил человек за экраном.

Командор нахмурился.

— Завтра совет во дворце королевы, не за горами то время, когда ты со своей армией покинете эту планету.

Айрона передёрнуло, жёлтые зрачки сверкнули ярко-красным светом. Он посмотрел на прижавшуюся к отцу Олимпию.

— Это — твоя дочь?

Командор не ответил.

— Красивая.

— Держись подальше от моей дочери, — сквозь зубы процедил Артур Крейг.

— Ну, что ж, сегодня ты окружён последователями и по-

клонниками, завтра их будут искать, чтобы отправить в Колонию.

Экран погас.

Олимпия прижалась к отцу ещё сильнее, он с пониманием посмотрел на неё.

— Какой отвратительный тип!

— Айрон вряд ли в ком вызывает симпатию, его просто все боятся. А теперь иди, переоденься, я вызову Тину, чтобы она накормила тебя и почитала сказки перед тем, как ты уснёшь.

Лидер Сопротивления нажал на кнопку пульта, тотчас двери раскрылись, и в комнату вошла высокая особа в серебристом платье до щиколоток и широким красным шарфом на шее. Внешне она была похожа на японскую девушку с точёными чертами бледного с матовым оттенком лица. Девушка в экзотическом платье остановилась напротив командора, с почтением поклонилась, как и подобает образцовой прислуге.

— Займись Олимпией и уложи её спать.

— Слушаюсь.

— Если что, я буду вместе с гостями.

— Слушаюсь, сэр.

Чёрная головка во второй раз склонилась, тем самым выражая почтение.

...Тина была няней-биороботом последнего поколения, разработанного по модели профессора Преображенского.

Первые биороботы были созданы, скорее всего, ради развлечения людей; они имели довольно примитивный вид и двигались очень медленно. Затем в связи с запросами времени биороботы стали выходить из-под конвейера более усовершенствованными: у них появился ничем не отличимый от обычных людей внешний облик — отличие заключалось лишь в искусственных материалах, из которых были сделаны составные части их тел (волос, ногтей, кожи и глаз). Эти биороботы были целиком адаптированы под потребности общества, главным образом, они помогали вести домашнее хозяйство, ибо люди всё больше и больше увлекались освоением космоса и покорением его диких и необитаемых планет.

Следующее поколение биороботов распределялось на классы и подтипы: возникли биороботы-домохозяйки, роботы-няни, швейцары, секретари, дворецкие, чернорабочие.

Затем люди заметили, что биороботы слишком бесчувственны, и это заставило их заняться созданием биороботов-любовников, удовлетворяющих запросы в интимной сфере. Под этот разряд попали не только «любовники», но и остальные категории «искусственных людей».

«Конвейер» находился в Центральном Институте Биотех-

нологии Ассинии. Ходили слухи, что искусственная память биороботов «нового поколения» была заменена на нейроны, однако впоследствии они не получили подтверждения. Во всяком случае, эти биороботы могли уже сочувствовать, сопереживать, броситься на помощь в считанные секунды, если ты внезапно попал в беду, или выслушать твои проблемы, взяв на себя функцию психотерапевта.

Слухи конечно же не подтвердились, потому что Институт в очередном еженедельнике подробно рассказал, что «нервная система», созданных моделей целиком состояла из микросхем, очень приближённых по своему действию к нервным волокнам человеческого организма. Профессор Преображенский делился своими впечатлениями и со страниц журнала утверждал, что он работал в тесном контакте с медиками.

Так в чём же всё-таки заключались отличия этих «усовершенствованных машин» от обычных людей? А отличия несомненно были.

Во-первых, выражение их лиц никогда не менялось. Они практически не могли улыбаться, хотя в последнее время появились модели, освоившие и эту функцию (но при этом выражение их глаз оставалось неизменным, «остекленевшим», и это вызывало во многих «пользователях» особенное раздражение).

Во-вторых, «они» были не в состоянии употреблять пищу, как «нормальные люди». Раньше подзарядка основных бата-

рей происходила в Центральном Институте, затем стали выпускаться ручные мини-генераторы, благодаря которым отпала необходимость отправлять биороботов в Институт.

Правда, бывали редкие случаи, когда хозяин «из вредности» пичкал своего робота обедом или ужином. После подобных «трапез» их приходилось отправлять либо на переработку в Институт, либо производить специальные операции по прочищению основных систем от забившей эти системы пищи. В связи с этим Институт пошёл ещё на один шаг. По всей Земле он создал сеть лабораторий с врачами-биотехнологами, где производились подобные операции. Появилась даже новая профессия — «врач-биотехнолог». Это был первоклассный инженер, соединяющий в себе знания по медицине и технике одновременно. Такие дипломы выдавались Институтом после семилетнего обучения на курсах, и появлялось всё больше и больше желающих окончить эти курсы.

В-третьих, практически «время жизни» последних биороботов измерялось не десятилетиями, а столетиями. При правильной эксплуатации они могли «пережить» не одно поколение своих создателей.

Зато они «любили», «соучаствовали». По-своему.

Цена таких биороботов в отличие от прежних моделей подскочила во много раз, и была доступна лишь состоятельным гражданам Земли. Случалось так, что какой-нибудь бизнесмен дарил биоробота своему приятелю — это считалось «хорошим тоном» и приветствовалось в обществе.

И всё же, Правительство запретило Институту разрабатывать «ещё более совершенные модели», ибо люди не хотели до конца уступать своё первенство «бездушным машинам», хотя по этому поводу между центурианами и землянами шла борьба — центуриане стремились «наводнить» все сферы человеческой жизни существами с искусственным интеллектом.

«Недалеко то время, — поговаривали люди, — когда нам будет не место на родной планете, которую целиком займут машины».

Однако пока ещё биороботы и машины мирно сосуществовали друг с другом, несмотря на жуткие истории фантастов.

«Никогда человек не создаст ничего выше Бога», — утверждали передовые умы философов-метафизиков.

«Но человек должен быть избавлен от тяжёлого физического труда и лишних проблем, — спорили с ними учёные.

Этот спор продолжался до сих пор, и, в конце концов, Правительство решило занять нейтральную позицию, примиря (пока безуспешно) первых со вторыми.

...Тина перевернула страницу книги и хотела продолжить чтение, но Олимпия остановила порыв няни.

— Причеши меня.

— Но я не закончила.

— И не надо. Эту сказку я уже слышала.

Комната была освещена розовым светильником в виде

цветка лилии. Олимпия растянулась в кровати-кювезе с дополнительным обогревом. Такие кровати, выпускаемые промышленностью, были удобны тем, что не требовалось дополнительного белья, и даже в холодное время года, когда солнечного тепла было недостаточно, несмотря на постоянно повторяющиеся попытки метеорологов «установить стабильный субтропический климат», они могли согреть озябшее тело, и их форма в точности повторяла форму человека в отличие от плоских кроватей старого образца.

Тина отложила книгу, взяла расчёску и принялась расчёсывать густые волосы своей воспитанницы. Рядом с кювезом стоял поднос на колёсиках, на котором красовались два блюда — бутерброды с икрой и пицца с сыром. Это был ужин.

Многие земляне питались исключительно «контейнерами». Так назывались капсулы с необходимым суточным запасом питательных веществ: белков, жиров, углеводов, витаминов и должным количеством килокалорий. Всё чаще и чаще пропагандировалось, что такое питание намного полезнее и качественнее, чем приготовленная еда, однако, несмотря на усиленную пропаганду, люди предпочитали «вкусную еду для гурманов».

— Ты нанизываешь на вилку гриб, смакуешь его во рту и с наслаждением отправляешь затем в желудок. Ну, разве это не здорово! — говорил Густав Милер, — Только глупые центуриане способны впихивать в себя всю эту гадость вроде «сырых мозгов» и дурацких контейнеров».

И он был прав.

Тина убрала расчёску.

— Почему Вы ничего не едите?

— Я не голодна.

Уголки губ Тины слегка приподнялись в подобии улыбки.

— Разве такое бывает, чтобы люди не испытывали голод?

— Иногда бывает, — ответила Олимпия, — Скажи, а гости ещё не ушли?

— Нет.

— Как мне хотелось бы веселиться вместе со всеми.

— Через один час, сорок шесть минут, пятьдесят четыре секунды Вы должны уснуть.

Олимпия проигнорировала это замечание, поднялась с кровати и подошла к широко распахнутому окну. Повеяло летней прохладой.

Там далеко-далеко на востоке всё ещё сохранялась бледно-розовая полоса заката, свежие звёзды мелькали в бархатном небе, как маленькие светлячки. Город лежал, как на ладони. До ушей Олимпии донеслись радостные возгласы сторонников Сопротивления, которые кричали снизу: Победа! Победа! Наконец-то ненавистный Айрон покинет Землю!»

Огни города горели разными цветами — всё это производило впечатление пышности, торжественности и помпезности. Веселились все, кто могли. Динамики гремели, донося музыку из воздушных кафе.

А внизу в парках гремели синтезаторы рок-групп, центу-

риане «прикусили языки» и ходили понурыми.

— Ты можешь идти, — наконец сказала Олимпия, обратившись к прислуге.

— Слушаюсь.

— Да, кстати, позови Александра. Я буду ждать его.

Тина выглядела взволнованной, свет от розового светильника отразился на её лице, изготовленном из пластика.

— Ты хочешь что-то сказать мне?

— Ваш отец велел, чтобы я уложила Вас спать.

— Я уже не маленькая и сама могу лечь.

— Признайтесь честно, Вы что-то задумали?

Олимпия мотнула головой.

— Нет, мне просто хочется увидеть своего друга перед сном.

Тина не сдвинулась с места.

— А меня Вы не считаете другом?

— Конечно, считаю.

Олимпия не подавала вида, но её удивил вопрос прислуги.

Тина вышла. Олимпия вытащила из кармана ночной пижамы, которая была на ней, найденные на дне Океана жемчужины, положила их на ладонь и долго смотрела, изучая каждую грань, каждую чётточку. Жемчужины, как будто хотели ей что-то сообщить, переливаясь то розовыми, то голубыми оттенками. Огни Ассинии продолжали зажигаться уже за рекой. Там в одном из этих дворцов живёт королева. Завтра Земля станет свободной. Завтра... Прошлое неза-

метно исчезало и переходило в будущее и тоже становилось прошлым, затем следующий пласт пространства переходил в разряд будущего.

Олимпия отвлеклась, положила обратно заветные дары Океана. Ей казалось, если она будет думать об этом, её мозги расплавятся, как плавятся камни на раскалённом Солнце.

— Вы звали меня? — раздалось за её спиной.

Олимпия оглянулась. Знак Алехандро на мускулистой груди телохранителя-негра сверкнул в полутёмной комнате. Александр стоял напротив Олимпии, ожидая дальнейших распоряжений своей маленькой хозяйки.

— Тебя отправила Тина?

— Да.

— А где она сама?

— Спустилась к гостям, чтобы вынести какое-то блюдо из кухни.

«Как хорошо, теперь я предоставлена самой себе», — подумала Олимпия.

— Зачем Вы звали меня? — спросил Александр.

— Я хотела, чтобы ты прокатил меня по ночной Ассинии.

Александр отвернулся, и это считалось первым признаком несогласия с желаниями хозяев.

— Ваш отец будет недоволен, если я исполню Ваше приказание.

— Но ведь ты же считаешься моим телохранителем и подчиняешься непосредственно мне.

Лицо Александра оставалось непроницаемым. Олимпия ловко скользнула к нему и, как вьюн, обвилась вокруг его тела. Интуиция ещё никогда не подводила её, и она чувствовала, что чернокожий телохранитель тайно влюблён в неё, а значит, исполнит любую прихоть, любой каприз своей госпожи, только старается не показывать этого из скромности и отчасти из гордости.

Лёгкая улыбка появилась на её уже не детских губах. Она незаметно чмокнула её в смуглую щёку.

— Ну, пожалуйста, я очень прошу тебя. Никто даже не узнает о нашей короткой поездке.

Александр опустил голову. Если бы он принадлежал к представителям европеоидной расы, ни от кого бы не укрылось, как он покраснел от смущения. Однако сейчас летняя ночь скрыла состояние его души. Настоящие воины никогда не выдают состояние своих внутренних порывов. Так считал поклонник командора, так «говорили» в нём его гены, доставшиеся в наследство от стойких и мужественных предков, которые тысячелетиями привыкали быть сдержанными и держать при себе свои сокровенные чувства, мысли, желания.

— Если мы полетим, я обещаю, что во всём буду тебя слушаться и поделюсь с тобой своим ужином и ещё выпрошу у Тины рагу с курицей. Ведь ты же любишь рагу с курицей?

Александр промолчал, ещё больше смутившись.

— Скажи, ведь любишь же? Любишь?

— Мне нравится, как готовит Тина.

— Ну, пожалуйста, давай полетаем над городом. Разве в такую ночь можно уснуть?

— Хорошо. Только никто ничего не должен знать.

— Я обещаю.

...В ангаре было темно, так что маленький оранжевый воздухолёт был практически невидим. Оказавшись внутри вместительного салона, Олимпия провела ладонью по гладкой поверхности стекла. Она предвкушала чудесную поездку, волнующее путешествие, ей хотелось непременно участвовать во всеобщем торжестве, потому что центром внимания являлся её отец — легендарный Артур Крейг, которого все любили, и для землян он был настоящим идеалом. Ей не терпелось с высоты посмотреть на красоту города, на раскинувшиеся сады, парки, плантации.

«Александр, как он мил, — подумала Олимпия, — несомненно, он — мой герой и друг».

Она прихватила с собой две порции рагу, завёрнутые в фольгу. Слава богу и инженерной мысли, воздухолёт был оснащён микроволновой печью, и всегда была возможность подогреть ужин, обед или завтрак.

Олимпия поспешно сунула в печь рагу, включила обогрев. Вскоре салон наполнился аппетитными запахами, среди которых доминировал чеснок, имбирь, шалфей и корица. Тина готовила по рецептам известных европейских поваров.

Александр открыл дверцу воздухолёта и сел за пульт

управления.

— Где ты был?

— Как всегда, проверял исправность машины.

— Ну, теперь полетим?

Олимпия улыбнулась, нежно провела своей маленькой рукой по плечу телохранителя. Запищала микроволновка, ужин разогрелся.

— Кстати, неплохо бы сейчас подкрепиться.

Олимпия протянула ему порцию рагу в фольге, другую взяла сама, развернула и откусила хрустящее поджаренное куриное мясо, перемешанное с рисом, приправами и овощами. Александр ел молча.

— Мне, конечно, стыдно, что я не предупредила Тину, и теперь ей попадёт из-за меня.

— Думаю, это было бы лишним, потому что вы никуда не полетите, — слышалось с задних сидений.

— Кто здесь?

Олимпия едва не подавилась застрявшим в горле куском курицы, страх обуял всё её существо с ног до головы. Она была не готова к столь неожиданным поворотам. Тина вынырнула из темноты, её глаза сверкнули.

— Это — я, — с оттенком упрёка в голосе произнесла она, — я, как ни странно.

— Тина? Но каким образом...

— Каким образом я пробралась сюда?

— Да... — Олимпия бросила испуганный взгляд на за-

стывшего Александра, который до этого уплетал рагу со зверским аппетитом, — Александр говорил, что ты ушла на кухню.

— И вы успокоились ввиду моего отсутствия?

— Прости меня, Тина. И всё же, как ты оказалась здесь?

— Было нетрудно догадаться, что вы решите продолжить своё веселье, пребывая в воздухе, поэтому я пришла в ангар и до поры до времени скрылась в воздухолёте, ожидая вашего прихода, который вскоре последовал, потому что ждать пришлось совсем недолго.

В воцарившемся после признания Тины молчании было слышно тяжёлое дыхание Александра и слабый вздох Олимпии.

— Что же мы будем делать?

Олимпия пожала плечами. В любом случае Тина могла нажать кнопку сигнализации, и тогда сюда сбегутся охранники, и будет уже невозможно что-либо доказать.

— А может быть, ты ничего не скажешь родителям, и у нас будет возможность полетать над праздничной столицей?

— Ведь Вы же не считаете меня своим другом.

Тина опустила глаза, отвернулась. Несомненно, модели последнего поколения были способны на «человеческие чувства».

— Я же сказала тебе, что это не так.

— Вы — люди всегда начинаете льстить, если хотите что-то получить от объекта вашей лести.

— Осторожно, Тина, не все люди одинаковы.

Красивоочерченные брови Олимпии сдвинулись к переносице, ей не нравилось убеждать кого-то в своей привязанности.

— Я действительно тебя очень люблю и благодарна за твою заботу. Ты знаешь о том, что Александр в восторге от твоих блюд?

— Я ни на шаг не отступаю от рецептов, в этом заключается секрет. Что касается людей, вся их беда в том, что они любят импровизировать.

— Согласна, итак, ты хочешь полетать с нами?

Тина посмотрела на ловащих каждый её взгляд Олимпию и Александра. В рамках присущего ей аналитического мышления ей нравилось быть в центре внимания, когда остальные целиком и полностью зависели от её воли. Оба попутчика смиренно дали ощутить ей это состояние.

— Хорошо, только недолго. Я засеку время на два часа, тридцать минут. Мы сделаем всего два круга над городом и вернёмся обратно.

— Два круга? — разочарованно спросила Олимпия, она рассчитывала на большее.

Взгляд зелёных глаз Тины был непреклонным.

— Это всё, что я могу вам пообещать. Если вы откажетесь, я тотчас вызову охрану.

— Нет-нет, я согласна. А ты, Александр?

— Это была не моя идея, мисс Олимпия.

— Я рассчитывала на большую благоразумность Александра, но, увы, это оказалось не так.

Тина удобно устроилась на облюбованном ею сиденье воздухолёта.

— Заводи. Полетели.

Двери ангара медленно раскрылись в разные стороны — впереди чернело беспросветное небо Ассинии. Волна свежего воздуха обдала целиком ночных путешественников.

«Победа! Победа! Долой Айрона! — гремело отовсюду, — Да здравствует королева Леминия! Да здравствует легендарный Артур Крейг!»

Всё это тонуло в оглушительных звуках музыки, казалось, ночью праздник только начинался, и все удивительные торжественные события ждали землян ещё впереди.

Маленький оранжевый воздухолёт, в котором сидела дочь легендарного командора, появился высоко в небе над городом, но никто этого не заметил. Люди продолжали веселиться ради самих себя; сегодня особенно сильно Айрон был ненавистен им.

Центр города состоял из огромной площади с ратушей, где до сих пор шли старинные часы, представляющие собой деревянные фигурки сказочных героев. При этом каждый час по всему городу раздавалась красивая музыка — ночная соната Моцарта, и она звучала так натурально, что, казалось, внутри часов находились музыканты, игравшие камерную музыку. Но это была лишь иллюзия, и все пони-

мали это. Площадь обрамляли здания администрации, городской коллегии правозащитников, судейской коллегии и Высшей Космологической Школы, получившей статус межпланетной, потому что здесь проходили обучение студенты со всей солнечной системы, а также с близлежащих галактик: «Морская Звезда», «Крейсер», «Астория» и др. Каждый, уважающий себя человек, стремился бросить вызов судьбе, испытать свой характер, пройти Программу Выживания в условиях диких, практически лишённых цивилизации планет, разбросанных по бескрайнему простору Космоса, и, наконец, каждый стремился приобрести одну из хороших профессий, которые предлагала Школа: врач-космолог, программист биороботов, борт-инженер управляемых кораблей, программист систем запуска и посадки кораблей, конструктор звездолётов и т. д. Кроме того, проводилось обучение по средним специальностям: помощник борт-инженера, повар, официант.

Олимпия ещё не решила, кем она будет, однако в глубине души она уже точно знала, что свяжет свою жизнь с Космосом и продолжит дело отца.

Далее располагались стадионы, парки, и за этой «зоной отдыха» шла жилая зона. Дома горожан были сделаны из металла, среди них встречали одно-, двух этажные коттеджи, а также многоэтажные прямоугольные «коробки» старого образца. В воздухе висели «шары» воздушных бунгало разной величины и оттенков. А чуть дальше находилась «полоса го-

стей». Раньше этой части Ассинии вообще не существовало, но когда открылся свободный въезд сначала с планет солнечной системы (кроме враждебного Сатурна), а затем и с других галактик мэрия Ассинии приняла решение организовать жилую полосу для «гостей Земли».

Особенно примечательной и роскошной частью города считались дворцы королевы с многочисленными бассейнами, фонтанами в виде античных статуй, изображавших древнегреческих богов, главных героев мифов. Глядя на них, Олимпия вспоминала, как часто она любила бывать здесь, ходила мимо фонтанов, любовалась ими и придумывала разные истории. Сверху казалось, что брызги фонтанов окрашены во все цвета радуги — на самом деле это была просто игра освещения.

В резиденции королевы так же, как во всей Ассинии, царило оживление, правда, совсем не такое бурное, как внутри города. Наверняка, сейчас королева принимает поздравления со всех концов соседних галактик или трапезничает вместе с прибывшими на Землю делегациями с других планет.

Вслед за резиденцией королевы город окружали обширные плантации. Они были предназначены для выращивания фруктов, овощей, злаков, чтобы обеспечить всех жителей города полноценным питанием. Биороботы целыми днями ухаживали за урожаем, чтобы вовремя собрать его и поставить частично на перерабатывающие заводы, частично в ма-

газины и на рынки.

В связи с резко меняющимся климатом некоторые плантации были полностью ограждены прозрачными непроницаемыми куполами, что обеспечивало парниковый эффект и постоянную температуру внутри них. Зато фрукты созревали быстрее обычного.

Огромные стадионы, предназначавшиеся для спортивных зрелищ, были изготовлены из искусственного материала, имитировавшего зелёную траву. Однако искусственная трава отличалась от натуральной отсутствием запаха и слишком ярким, бросающимся в глаза цветом. Естественные зелёные насаждения считались большой редкостью, и их могли позволить себе лишь довольно состоятельные граждане планеты Земля. Увы, это была обратная сторона развивающейся цивилизации, это была неизбежность и закономерность будущего, в соответствие с которой учёные подсчитали, что через каких-нибудь 1000 лет Земля может полностью лишиться своей растительности. Насколько это могло оправдаться, никто не знал, но подсознательно все были готовы к худшему благодаря совсем неутешительным прогнозам ботаников.

Воздух на высоте в несколько десятков ярдов от поверхности Земли буквально кишел различной величины «шарами» воздушных бунгало. Часть из этих бунгало считалась обычными домами состоятельных горожан Ассинии, часть принадлежала к административным зданиям. Например, практически над самой площадью в одном из таких бунгало раз-

мешался корпус Военной Коллегии Земли.

Мимо этих зданий, как на Земле, так и в воздухе, было оживлено «дорожное движение». Правда, в этот поздний час, несмотря на торжество, количество и воздушолётов, и автомобилей стало значительно меньше, чем в обычные дни, так что сухопутная и воздушная «дорожные полиции» маялись от безделья.

Особенность воздушного движения заключалась в том, что каждая трасса располагалась над предыдущей, а регулировщиками служили специальные «сигналы», плавающие в воздухе на уровне прохождения каждой трассы. В случае нарушения правил «движения» сигналы автоматически передавали сообщения на Пульт Цетрального Управления Полиции, и дежурный принимал необходимые меры и санкции. Но сегодня, кажется, всё было спокойно.

Олимпия бросила взгляд на ночной город, на его огни, а ведь таких городов, как Ассиния, только несколько меньших по площади, было бесчисленное количество, как на Земле, так и в остальных провинциях Земли, расположенных в небе. Трудно было даже предположить, что за последние 200 лет человечество освоит значительную территорию Космоса, а ведь начиналось всё в 20 веке с запуска первого человека Юрия Гагарина на околоземную орбиту. Если бы люди прошлого могли знать, чего они достигнут в будущем! Если бы они владели даром заглядывать в будущее! Что бы тогда было! Так подумала Олимпия как раз, когда они пролетали над

плавающей в воздухе сценой для молодёжных концертов, где сейчас шёл рок-концерт в честь победы землян. Зрители ликовали, а парень с синтезатором энергично кривлялся и что-то пел.

— «Хай-райдерс»! — орали «зелёные подростки», — Давай ещё, Ещё!

«Хай-райдерс» — так называлась одна из рок-групп, одна из самых известных, набравшая наибольшее число фанов.

По чистой случайности кто-то из зрителей посмотрел в небо на оранжевый воздушный шар.

— Это же Олимпия Крейг! Олимпия!

— А-а-а! — заорали зрители, — Олимпия Крейг! Дочь Артура Крейга! Дочь Командора!

Александр заёрзал на сиденье.

— Лучше, если бы они не заметили Вас.

— Почему? Наоборот, я очень рада. Эй!

Олимпия замахала руками ревущей толпе.

— Я здесь, ребята!

— Перестаньте, если не хотите лишних проблем, — Тина нахмурилась, — Зря я дала согласие на эту «поездку». Мы сейчас же летим назад.

Александр включил скорость и хотел перейти на вышележащую трассу, но Олимпия остановила его.

— Постой, Александр. Смотри, кажется, тот парень, который первый заметил меня, выпустил воздушного змея. Наверное, он хочет подарить его мне.

Змей достиг воздухолёта и завис рядом с дверцей на той стороне, где сидела Олимпия. Она протянула руку и схватила змея за болтающийся шнурок.

Это был миниатюрный весёлый змей, сделанный из разноцветных остатков непромокаемой бумаги. Воздушный змей. Это же здорово! Олимпия горела желанием разглядеть того, кто послал ей такой замечательный подарок, но воздухолёт наконец набрал скорость и полетел дальше.

— Возвращаемся, — скомандовала Тина, проигнорировав молчаливый протест своей двенадцатилетней воспитанницы.

— Завтра мы непременно полетим на самую высокую вершину Гималаев, и мы пустим змея.

— А как же школа, уроки?

— Тина, я уверена, в честь такого праздника уроки будут отменены.

— Я бы не стала этого делать, будь я министром образования.

— Слава богу, министерство состоит не из биороботов. А как называется самая высокая вершина на Земле?

— Джомолунгма.

— Джомолунгма... — задумчиво повторила Олимпия, — Всё-таки, как это ужасно, что мы возвращаемся обратно.

Ярдах в пятидесяти впереди от движущегося воздухолёта она успела разглядеть знакомое двухэтажное бунгало. Сейчас она незаметно проберётся в свою комнату и прикинется

спящей, но когда к ней заглянет отец, она откроет глаза и обнимет его. А завтра... Завтра всех ждёт новый день. Завтра у Земли будет новое будущее.

Однако почему-то мышцы всего тела будто сковало судорогой, возникло ощущение того, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Олимпия даже почувствовала боли.

Взрыв прогремел практически рядом с воздухолётом, их качнуло в сторону, всё вокруг задрожало, завибрировало. Ярко-красная вспышка в один момент «рассыпала» несколько бунгало, словно карточные домики. Внутри глаз возникла такая сильная боль, что Олимпия зажмурилась.

— Что это было? О, нет, это же мой дом...

Осознание того, что произошло, появилось внутри её головы не сразу, а спустя мгновение после оглушительного грома. Перед её глазами стояла всё та же яркая вспышка с длинным хвостом чёрного газа. Воздухолёт скатывался по наклонной, «вышел» за городскую полосу и падал в район лесных насаждений. Затем прогремело ещё несколько взрывов, но это уже было после того, как Олимпия отключилась. Кто-то схватил её сзади и резко вытолкнул вон из воздухолёта, послышался треск обламывающихся веток.

Ей на минуту показалось, что она умерла, а в голове, точнее перед внутренним взором, как на экране возникли запомнившиеся сцены из прошлого.

...Был ясный солнечный день, и весельчак Ги предложил устроить пикник возле реки. Голубизна неба поражала сво-

ей непревзойдённой глубиной и чёткостью. Отец подошёл к ней и что-то шепнул на ухо, но она не помнила что — её внимание было сосредоточено на прекрасном пейзаже среди искусственной травы. В реке отражались проплывающие мимо облака.

Вдруг неожиданно откуда-то с противоположного берега реки показалась одинокая фигура странника с посохом. Такие странники встречались во всех уголках Земли, правда, не так часто, как 500–600 лет назад. Они не имели ни семьи, ни крова, носили ветхие одежды и просили милостыню. Многие из них считали себя приверженцами какой-то определённой веры: одни поклонялись Солнцу, другие были последователями Христа, третьи исповедовали ислам или буддизм, или занимались предсказаниями на ветер и камни.

— Кто ты? — спросила Олимпия.

— Сын Земли, — ответил странник.

— Где ты живёшь?

— Обычно высоко в горах, но иногда я спускаюсь к смертным, чтобы учить их Истине.

— К смертным? Так ты бессмертный?

— Да.

Глава 3. Убежище

«Спасение приходит как раз тогда, Когда его меньше всего ждёшь».

(Притча)

...На протяжении всего вечера Густав Милер пытался уйти к себе, но не мог. Он не мог отвлечься от тех мыслей, которые блуждали около «подарка» Амона-Раа. Красивая рабыня волновала его воображение, и он в тысячный раз пожалел, что не взял этот «шедевр тонкости и грации» с собой.

Почему не мог? Интересно, как бы он объяснил командору своё отсутствие? Впрочем, лидер Сопротивления не отличался особой привередливостью, не был дотошным, и как нельзя лучше понимал своих подчинённых. Как Милер не копался, он всё же не нашёл ни одного отрицательного качества, ни одного недостатка в командоре. Крейг отличался гордостью, но разве это — недостаток?

Густав улизнул с вечеринки раньше обычного. В принципе, ему ничего не стоило сделать это — в общей суматохе его даже не заметили, и никто не обратил внимания на то, как серебристый воздухолёт первого помощника Командора покинул бунгало и направился в сторону окраин Ассинии, где находилось его собственное бунгало, такое же большое и роскошное.

Появившись внутри «своего особняка», Густав отослал

швейцара, а сам, набрызгавшись одеколонами, направился напрямиком в спальню, где среди усыпляющей интимной обстановки его ждала самая красивая жрица любви с галактики Хатхор.

Густав не любил спать в кювезе, предпочитая старинную обстановку ушедшего в небытие средневековья. Его кровать представляла собой большое ложе, устланное покрывалами. Сверху над всем этим «заграждением» располагался балдахин. Ткани тончайшей выделки свисали вниз и скрывали спящего.

Густав раздвинул полог и какое-то время молча стоял, любясь недавним случайным приобретением.

Девушка спала или казалась спящей. Она лежала среди разбросанных под навесом подушек, сшитых на восточный манер из люрикса; длинные чёрные волосы разметались в разные стороны, ресницы чуть подрагивали в такт вздымающейся во сне груди. Если она не спала, то отлично имитировала состояние сна.

Стены, сделанные из позолоты, отражали ложе Густава, напоминавшего притаившегося в засаде охотника в ожидании дичи, и всё, что находилось внутри спальной залы. Неожиданно девушка потянулась, сделала глубокий вдох и открыла глаза. Бронзовый загар, свойственный всем без исключения хаторянам, как нельзя лучше оттенял белки этих бездонных глаз. Она была почти обнажена за исключением набедренного украшения, состоявшего из мелких золотых

бусин. На стройной шее серебрилось ожерелье из чистого жемчуга. Некоторое время они смотрели друг на друга, как два совершенно незнакомых человека, встретившихся впервые. Густав присел на край кровати.

— Тебе здесь нравится?

Как хорошо, что Космические миротворцы 200 лет назад решили установить единый язык для общения Земли, соседних галактик и галактик «третьего и четвёртого поясов», это событие было сразу же занесено в Хроники. Теперь, благодаря этому факту, люди общались друг с другом, не существовало никаких языковых барьеров и ограничений.

— Я обязана исполнять любые прихоти моего господина.

— Да, но... На Земле нет рабства. Здесь живут свободные граждане. Как тебя зовут?

— Ахиль.

— Ахиль...

Он притянул её к себе, коснулся бархатистой щеки хаторянки и запечатлел на ней свой поцелуй. Она не сопротивлялась, поддавшись настойчивым ласкам нового «хозяина».

Однако когда Милер едва нежно коснулся плеча хаторянки, она успела ловко увернуться от его объятий. Он знал, азиатские женщины порой были способны довести до безумия мужчину умелой любовной игрой в отличие от прагматичных, холодных, склонных к меланхолии красавиц с Запада.

— Рахим маллик рахат джиди.

— Ты говоришь на языке цивилизации Хатхор? — спросил Густав, — Знаешь, более века ушло на разработку Единого Языка для всех галактик, и он включал в себя англо-германо-саксонские, итальянские, частично китайские, русские и азиатские наречия, но, несмотря на это, я и не предполагал, что ваш язык так прекрасен. Что это значит?

— «Некоторые розы обладают способностью никогда не увядать». Так сказал один из наших глубоко почитаемых поэтов Абу-Ибн-Сехлем.

— ...Некоторые розы обладают способностью никогда не увядать..., — повторил Милер, — Странно? Неужели на твоей планете есть такие розы?

— На самом деле их намного больше, чем кажется сначала, мой господин.

— Не называй меня господином — на Земле давно нет ни господ, ни слуг.

— Но тогда кто же вам прислуживает?

— Это — обычные биороботы, они — не люди.

Ахиль промолчала.

— Я слышал, азиатские женщины могут танцевать танец живота. Так ли это?

— Так, — подтвердила Ахиль, — Так, мой господин. И если ты того желаешь, специально для тебя я станцую тебе «танец живота», как это делают на моей планете.

Отовсюду зазвучала музыка в арабском стиле, подкрадывающаяся, энергичная, казалось, она была слышна изнутри

самой Ахиль.

Несколько раз рабыня хлопнула в ладоши, и Густав совсем не заметил, как подчинился этому ритму — завораживающему одновременно буйному. Он любовался совершенством её тела, каждое движение было законченным, «правильно» продуманным от начала до конца. И это ещё сильнее возбуждало Милера.

— Ты так прекрасна, как заря, как Солнце, ты — дочь своей цивилизации, — безумно шептали его губы.

— Осторожно, мой господин, не попади в сети.

Внезапно Милер вскочил, нажал на знакомую кнопку пульта.

— Знаешь, сейчас я закажу самого лучшего вина, какое только имеется в моих погребах там, на виноградниках. Ты любишь вино?

— Вино?

— Не отвечай. Я чувствую, твои губы просят поцелуя.

Она снова ловко увернулась от его ласк и села на противоположном конце ложа. Её глаза выразили неподдельный испуг. Испуг? Возможно ли это?

Двери открылись, в спальную залу вошёл слуга. По ровному зеркальному полу он катил поднос, уставленный целиком тремя видами вин и блюдом, состоящим из бутербродов с красной икрой — довольно дорогим и редким, потому что запас рыбы был на грани истощения, в последние 350 лет практиковался завоз морской флоры, годной для обитания

в водах Земли с других галактик, но это были экзотические животные, резко отличавшиеся от земных, а любому землянину было больше по сердцу то, что изначально существовало на Земле.

Милер налил вино в два высоких хрустальных бокала, один протянул рабыне, другой взял сам. Испуг в бездонный глазах Ахиль усилился, она отвернулась, не приняв подношение своего «господина».

— Что с тобой?

Ахиль опустила глаза.

— Модели L-10 вредно пить вино и есть пищу смертных.

— Модель L-10? Так ты — биоробот?

Ахиль удручённо закивала головой, видя, с каким разочарованием посмотрел на неё землянин.

— Так вот, значит, какой подвох готовил нам божественный Амон-Раа — носитель и хранитель священного анкха Исиды! Я словно чувствовал это!

Милер хлопнул себя ладонью по лбу.

— Какой же я идиот! Почему мне не пришло в голову подвергнуть тебя проверке? А, может быть, ты — шпионка?

Умиротворённое выражение лица Густава за какие-то доли секунд сменилось злобным, темно-зелёные глаза его метали искры, и от одного этого вида можно было съёжиться.

— Отвечай!

— Амон-Раа хотел подключить подслушивающие устройства к моему мозгу, но я... но я этого не сделала, и теперь

мне грозит опасность.

— Врёшь!

Она коснулась небольшого участка искусственной кожи внутри уха, тотчас лобная часть головы выдвинулась вперёд, и оттуда, как змеи, вместо нежной ткани человеческого мозга показались сине-зелёные с отливом провода и микросхемы. Густав с отвращением взглянул на это зрелище, заложил руки за спину в замок и начал ходить вдоль по спальній зале. Хаторянка вновь надела слегка на невидимый участок своего левого уха, и «створка» задвинулась обратно.

— Но ты... ты выглядишь так, словно... ты совсем не отличаешься от..., — Милер остановился, ещё раз разочарованно посмотрел на предмет своего недавнего восхищения.

— От «нормального человека», — с горечью закончила хаторянка.

Милер промолчал, вновь продолжил нервно ходить вдоль по спальній зале.

— На моей планете научились делать «совершенных людей», и эти технологии далеко ушли вперёд от тех, которые существуют в вашем мире. Мы можем испытывать те же чувства, что и люди.

— Разве?

— В твоих словах, мой господин, я слышу насмешку.

— «Некоторые розы обладают способностью никогда не увядать». Скажи, а этот ваш поэт случайно не робот?

— Нет.

— Так ты — роза, которая никогда не увядает?

— Не смейтесь надо мной, господин.

Он подошёл к ней, взял её красивое лицо за подбородок и внимательно всмотрелся в бездонные глаза Ахиль. Они выразили настоящее рыдание, которое шло словно из самих глубин её «несуществующей души», но слёз не было.

— Почему же ты отказалась включить датчик для подслушивания?

— Потому что...полюбила тебя.

— Бред какой-то! Биороботы не способны любить! — заорал первый помощник Командора, бросил на свою жертву последний взгляд, — Оставайся здесь. Я приму решение, что с тобой сделать.

И вышел.

Войдя в свой кабинет, Густав включил экран, где возникло звёздное поле Вселенной с движущимися звёздами, галактиками, туманностями, нервно забарабанил пальцами по столу. В голове рождались новые мысли, постепенно приходило решение.

«Необходимо срочно сообщить обо всём Командору. Ах, этот прохвост Рамон! Будь он неладен! Недаром мне не понравилось его настороженное лицо. И всё же, их технологии слишком совершенны, надо бы завтра сказать об этом на совете у королевы, разумеется, когда проклятого Айрона не будет рядом. Неудивительно, что я принял эту рабыню за человека. Возможно, она и биоробот, начинённый сотня-

ми тысяч проводов, но как она красива! Её глаза не лгали. Густав, ты бредишь. Не хватало ещё влюбиться в механизм, пусть даже и такой совершенный, как этот».

...Олимпия попыталась открыть глаза, но возникшая при этом боль сразу же напомнила о себе. Она ещё раз повторила свою попытку и ничего не увидела вокруг кроме сплошной чёрной пелены.

«Почему я не вижу? — вихрем пронеслось внутри её головы, — Что со мной произошло? Где я нахожусь?»

И только затем уже возникло ощущение того, что случилось нечто страшное, непоправимое, и её жизнь разделилась на две половины — то, что было «до», и то, что стало «после».

Смутные воспоминания вернули её к тому самому моменту, когда она, находясь в маленьком оранжевом воздухолёте, была ослеплена несколькими яркими вспышками взрывов, прогремевшими на месте её родного дома. И теперь от него ничего не осталось, значит...

«Мама, папа», — прошептала Олимпия, почувствовав, как волна подступивших к сердцу рыданий захлестнула её. Её сознание наотрез отказывалось верить в это, как отказывается сознание любого ребёнка двенадцати лет.

— Нет! Нет! Нет! — закричала Олимпия и не слышала собственного голоса, — Это неправда! Они обязательно меня встретят и пожурят за то, что я отлучилась из дома в столь поздний час.

И только теперь она поняла, что благодаря этой «ночной прогулке» она осталась жива. Случайность? Закономерность?

— Лучше, если бы я умерла вместе с вами.

— Зачем призывать смерть? Она и так ходит рядом, — раздалось совсем недалеко от неё.

— Александр? Ты здесь?

— Да, мисс Олимпия. Я сейчас возьму Вас на руки, и мы пойдём в город.

Что-то зашуршало поблизости от неё. Затем она почувствовала, как как-то сильный взял её лёгкое тело на руки.

— Я смогу идти сама, — возразила Олимпия, но у неё не было сил для противостояния.

— Вряд ли, лучше не сопротивляйтесь, потому что Вы ещё очень слабы, и я не допущу того, чтобы Вы к тому же рисковали своей жизнью, так как не вижу в этом никакого смысла.

— А я вообще ничего не вижу.

— Тем более.

— Где мы сейчас находимся?

— В лесу. У воздухолёта был повреждён двигатель, и если бы я не вытолкнул Вас, Вы бы разбились вместе с ним, мисс.

— Так это правда? Правда всё, что с нами случилось?

— К сожалению, да.

— Значит, отныне у меня больше нет дома ...и родителей?

Олимпия прижалась к телохранителю и зарыдала на его плече. Он коснулся её спутавшихся волос, сначала неуверенно, затем погладил девочку по голове и крепко обнял её хрупкое тело, осознавая тем самым, что она ищет утешения своему горю.

— Успокойтесь, мисс, я тоже одинок в этом мире, но я никогда не унываю.

— Тина! С нами была Тина. Где она?

— Я уже успел осмотреться, но не видел её нигде поблизости. Не отчаивайтесь, мисс, её найдут в ближайшее время и починят.

— Куда ты несёшь меня?

— К своим друзьям. Они живут неподалёку от леса и будут рады предоставить нам убежище. В город возвращаться опасно. Скорее всего, прихвостни Айрона уже устроили облаву на сторонников Сопrotивления.

— Неужели Айрон победил?

— Он очень хитёр, мисс. Но я верю, что Земля всё равно станет свободной.

Александр ускорил шаг, закат на востоке давно погас, уступив место жаркой июньской ночи. В центре неба по-прежнему продолжала гореть Венера.

Чета Майеров Клара и Винвальд считалась типичной юпитерианской четой (несмотря на то, что смешанные браки на Земле были разрешены, но они не практиковались). Им было около 30, и они приехали с Юпитера примерно 10 лет назад.

Детей у них не было, хотя они считали себя глубоко верующими и упорно молились святому Юджину — покровителю плодородия на Юпитере. Юпитериане отличались от землян цветом кожи, которая была фиолетовой, как и цвет их глаз.

Жили они в небольшой уютном особняке в пригороде Ассинии. Винвальд работал на плантациях, а Клара присматривала за домашним хозяйством. Увидев на пороге своего дома Александра с девочкой на руках, Клара прослезилась.

— Святой Юджин! Ты так давно у нас не был. Прошло уже много лет, как ты помог нам перебраться на Землю, когда мы бежали от режима генерала Ливона. С тех пор на Юпитере произошло много изменений, и коренным юпитерианцам там не место. А ещё этот Ливон завёл дружбу с Айроном. Боже мой, да ты весь в крови! Ты ранен!

— Ну, вот, закудахтала, как курица. Он, бедняга, еле на ногах держится. Дай им пройти.

Подошедший вовремя Винвальд, посторонился, отодвинул свою жену вглубь дома, уступив дорогу ночному гостю.

— Проходи, проходи, дружище. Давно ты нас не навещал. Хоть бы заглядывал иногда, а то мы здесь ничего не знаем, — Винвальд кивнул на съёжившуюся и уснувшую Олимпию, — Кто это?

— Дочь Командора, — с гордостью ответил Александр, — С нами случилось несчастье, и к большой беде её родители погибли.

— Как! — Винвальд от неожиданности чуть не сел прямо

в коридоре, — Легендарный Артур Крейг погиб!

— Я всё потом вам расскажу, а сейчас куда можно положить девочку? Она слишком много сегодня перенесла, и я боюсь за её здоровье.

Клара развела руками от всего только что услышанного. Ещё немного, и она была готова расплакаться, однако её муж вовремя распорядился.

— Дорогая, приготовь что-нибудь на ужин. И хорошо, если это будет горячий коктейль. Это особенно будет полезным для девочки.

Александр бережно опустил свою драгоценную ношу в кювез с обогревом, долго смотрел на спящую, затем сел рядом и о чём-то задумался.

...Ей снились чудища, которые почему-то гнались за ней, повсюду преследуя её. Она скрывалась от них в оврагах, ложбинах, но они везде находили её. Затем откуда-то появился человек в чёрном, и она испугалась этого человека, как пугаются смерти.

Олимпия проснулась от собственного крика. Над ней склонился женщина с фиолетовой кожей и рыжими кудрями длинных волос. Она обняла её и поцеловала в лоб, покрывшийся испариной, как только Олимпия открыла глаза.

— Ничего не бойся, девочка моя. Здесь твои друзья. Здесь тебе помогут.

— Кто Вы?

— Я — Клара?

— Где Александр?

— Он здесь, в этом доме. Просто сейчас он уснул в другой комнате. А я принесла тебе этот коктейль и ужин.

— Но я не хочу есть. Я не голодна.

— Точнее не испытываешь голода от слишком сильного волнения.

Клара поставила поднос с ужином на специальное приспособление перед Олимпией. Ужин состоял из лангаусов, обитавших только исключительно на Юпитере, приправленных белым соусом, солёных крекеров и рыбы.

Олимпия лениво поковыряла вилкой в рыбе, взяла горячий коктейль и отпила несколько глотков. В комнате горел бледно-голубой успокаивающий свет, который Клара включила накануне.

— Малышка, этот напиток успокоит тебя, и ты уснёшь крепким здоровым сном, — произнесла Клара, погладив Олимпию по голове, — Если тебя больше ничего не беспокоит, то тебе нужно уснуть и хорошенько выспаться. Слишком сильные волнения вредны для такой крошки, как ты.

— У меня болят глаза, мадам. Сначала появляется густая пелена, а затем я очень смутно начинаю различать движущиеся и неподвижные предметы. Хотя знаете, несколько часов назад я вообще ничего не видела.

— Глаза? — забеспокоилась Клара, — Необходимо, чтобы тебя осмотрел доктор. Хорошо, завтра мы что-нибудь придумаем.

Она коснулась мокрого от волнения лба девочки, взяла поднос с остатками несъеденных почти блюд, несмотря на то, что юпитерианка могла непревзойдённо готовить, и вышла.

Винвальд стоял на ступеньке крыльца и напряжённо вглядывался в тёмно-синий бархат ночного неба. Он не заметил, как к нему подошла Клара и положила свою голову на его плечо, тем самым ища в муже поддержки своим спутанным чувствам.

— Что тебя беспокоит, дорогая?

— Не знаю. Но мне кажется, на Земле снова начинаются смутные времена, и в дальнейшем нам следует подумать о переселении на какую-нибудь планету, где нет ни вражды, ни горя, ни потерь.

* * *

...Ей казался, что сон её длился целую вечность. Существует ли предел вечности? По законам земной математики такого предела, конечно же, нет, но по законам Космоса он есть или должен быть. Она была со всех сторон окружена сплошной цепью гор, покрытых льдами, но, как ни странно, она совсем не испытывала холода.

Олимпия огляделась, на одной из многочисленных вершин стоял Бессмертный, смотрел на огромное слепящее Солнце, пробивающееся сквозь тучи и медитировал. Бессмертный не видел её, потому что его ум был целиком сосре-

доточен на Солнце, но она ощущала, что он знал о её присутствии.

— Эй! — закричала Олимпия. Она надеялась, что он услышит её крик и отвлечётся от своего занятия, но Бессмертный продолжал всё так же медитировать. Наконец, он взял посох и помахал ей.

— Тебе не нужно было так громко кричать, я всё равно бы увидел тебя, — ответил Бессмертный.

— Но Вы даже не смотрели в мою сторону.

— Твои мысли выдали тебя. Пойми, мысль — это великая вещь. Перед тем, как вернуться обратно к источнику, она облетает весь мир. Поэтому мудрецы говорили: «Всё тайное когда-нибудь становится явным».

— Можно я теперь поднимусь к Вам? — спросила Олимпия.

— В этом нет необходимости.

— Но мне нужно задать Вам один очень важный вопрос.

— Разве для этого обязательно, чтобы присутствовать рядом, и ты могла видеть меня так близко, как видишь собственные руки?

Олимпия не нашлась, что сказать, и тем не менее, вопрос продолжал мучить её.

— Почему всё это произошло? Почему погибли мои родители? И как же мне жить дальше?

— Ты уверена, что не знаешь сама ответы на эти вопросы? Бессмертный улыбнулся. Издали Олимпия могла видеть

его дружелюбную улыбку.

— Я не знаю, — наконец произнесла девочка, — Я совсем ничего не знаю.

— Мы все приходим в этот мир, чтобы преодолеть трудности, понять себя и других, и пройти определённые жизненные уроки. Ты должна выучить Главный урок своей жизни.

— Какой же это урок?

Мощная волна ветра внезапно подняла ввысь огромную массу снега, скрыв из виду Бессмертного, начиналась пурга.

— Как мне Вас найти! — закричала Олимпия из последних сил.

— В Гималаях, на самой высокой вершине мира, — донёс до неё ветер.

Она очнулась, поняв, что это был её сон, так неожиданно прерванный сон...

* * *

...Доктор пришёл на следующий день. Его сопровождали старина Ги (Ги Стюарт), уже изрядно потрепанный от проведённой бессонной ночи, Густав Милер вместе с какой-то смуглокожей полуголой девицей, незнакомый мужчина в строгом фраке с бабочкой (цвет его кожи слишком загорелой говорил о том, что он вероятнее всего в последние 5 лет жил на Меркурии) и ...Тина.

— Меня зовут доктор Уинсет, — представился гость.

Впрочем, это было лишним, так как все знали знаменитого офтальмолога Уинсета Литла, прославившегося своими операциями на всю Солнечную систему. Ему было сорок, но выглядел он довольно моложаво.

— Я должен сначала осмотреть больную, — объяснил он Винвальду, который и так уже всё понял без лишних слов.

— Хорошо. Я отведу всех в гостиную, Клара пока приготовит мороженное, а Вы пройдите за мной.

Олимпия была несколько напугана, для неё визит врача стал неожиданным. Уинсет спокойно сел на стул перед ней, достал из портфеля инструменты (несколько линз, какие-то незнакомые ей металлические предметы) и произнёс:

— Не волнуйся, я не причиню тебе вреда. Я — доктор. Я пришёл сюда, чтобы помочь тебе.

— Вы пришли одни?

— Ты очень проницательна. Нет, конечно же, я пришёл не один, а с твоими друзьями. Они ждут в гостиной.

— Мои друзья? Кто они?

Уинсет перечислил всех пришедших.

— Старина Ги? Густав? Но в тот день они были на вечеринке.

— По чистой случайности они чуть раньше покинули бунгало Командора. Кажется, Милер спешил на какое-то свидание, а Ги хотел привезти целый ящик напитков. Во всяком случае оба остались живы. И ещё, — доктор улыбнулся, — Сегодня Ваши друзья решили сделать Вам сюрприз.

— Сюрприз?

— Мы привели с собой Тину — Вашу гувернантку.

— Тина! Где она!

Олимпия чуть не взвизгнула от удовольствия, но тут же привела себя в чувство и серьёзно посмотрела на врача.

— Доктор, если Вы будете меня осматривать, я готова.

— Для начала скажи пожалуйста, что тебя беспокоит.

— То, что я лишилась дома и любимых родителей. А если серьёзно, то я плохо вижу, и глаза постоянно слезятся.

— Опиши то, что у тебя перед глазами.

— Всё какое-то мутное, неотчётливое и большое.

— А как это случилось?

— Когда мы летели обратно в ту ночь с нашей непродолжительной прогулки по Ассинии, я увидела очень яркий свет, который на некоторое время ослепил меня.

— И ты смотрела на этот свет?

— Да.

— Как долго?

— До тех пор, пока не потеряла сознание, и наш воздухолёт не начал падать.

— Это плохо, — прокомментировал Уинсет.

Он взял линзу.

— Теперь смотри прямо.

Затем доктор подключил к голове Олимпии какие-то датчики с проводами, передающие единый сигнал на дисплей переносного компьютера. Через пару секунд на его экране

возникло изображение. Уинсет долго глядел на него, затем отложил приборы в сторону.

— Ну, как?

Уинсет тяжело вздохнул, не имея представления, как в более мягкой форме сообщить о своих наблюдениях.

— Девочка моя, я не могу сказать тебе ничего утешительного. По моим данным твоё зрение начнёт с каждым разом ухудшаться.

— До того момента, пока я не ослепну?

— Не могу сказать ничего определённого, покажет время, но у тебя серьёзно повредилась сетчатка.

— Если Вы думаете, что я сейчас разрыдаюсь, впаду в панику, то глубоко ошибаетесь. Мой отец был мужественным человеком, и я — его дочь тоже должна быть мужественной и сильной. Зовите всех, кто пришёл с Вами, я готова вас принять.

Уинсет, конечно же, ожидал слёз, истерик, но когда он столкнулся со спокойным отношением к своему безнадёжному здоровью, это удивило его. Он с уважением взглянул на Олимпию.

— Хорошо, мисс Олимпия.

Он вышел. Через несколько минут Олимпия уже обнимала вошедших.

— Моя милая Тина! — воскликнула она, — Что с тобой случилось?

— Меня нашли на следующий день после трагедии. Го-

ворили, у меня была сломана голова и отсутствовали руки. Меня отремонтировали.

— Слава богу! Я очень рада, что вы здесь со мной, — произнесла Олимпия спустя какое-то время после воцарившегося молчания.

Незнакомый человек во фраке вышел вперёд и заговорил:

— Меня зовут Теодор Лидьярд Старший. Я — премьер-министр правительства Меркурия и давний друг Вашего отца. Вы ещё ничего не знаете, мисс, но после всего случившегося Айрон устроил облаву на сторонников Сопротивления. Все присутствующие здесь являются членами новой подпольной организации «Последователи Командора Артура Крейга», я — её основатель и вдохновитель. И Александр, и доктор, и Винвальд — тоже члены нашей организации.

— Вы продолжите дело моего отца?

— Да, и надеюсь, Вы поддержите нас, мисс Олимпия.

— Разумеется, об этом даже не может быть и речи.

— Мисс Олимпия, сейчас Вы находитесь в большой опасности, потому что Айрон сделает всё возможное, чтобы уничтожить дочь своего врага.

— И что же я должна делать?

— Я предлагаю Вам лететь на Меркурий как можно скорее. Я позабочусь о том, чтобы Вам сделали другие документы, изменили Ваше имя, и эти данные внесли в Центральный Компьютер.

— На Меркурий?

— Организация подберёт Вам дом, необходимо также придумать легенду.

— Мне придётся скрываться?

— Увы, но это так. Многим нужно жить под вымышленными именами.

Олимпия протёрла глаза, кивнула в сторону Густава, довольно расплывчато перед ней появилась незнакомая стройная фигура, дочь Командора не могла чётко разглядеть черт её лица, но по её виду она казалась иностранкой.

— Кто эта девушка?

Ахиль смутилась.

— Ей можно доверять, — произнёс Милер, не обращая никакого внимания на то, как Ги подмигнул ему, дескать с тобой и твоей хорошенькой подружкой и так всё понятно.

— Хорошо. Когда я могу сообщить вам о своём решении, господа?

— Прямо сейчас, мисс Олимпия. Промедление смерти подобно.

— Я согласна, но ... сначала я хочу, чтобы вы отвезли меня в Гималаи.

— В Гималаи?

— Да, в Гималаи, — подтвердила Олимпия.

— Но Гималаи — горы, занимающие огромную площадь. Куда именно?

— На самую высокую вершину мира — гору Джомолунгму. Только не спрашивайте зачем.

— Вероятно, Вы просто хотите с кем-то попрощаться. Помните, мисс Олимпия, это очень рискованно, ведь шпионы Айрона могут быть везде и особенно там, где их меньше всего ожидаешь.

Зелёные меркурианские глаза Теодора Старшего заискрились, будто внутри них горели лампочки. Вообще, жители Меркурия отличались от землян именно цветом глаз.

Олимпия улыбнулась:

— Сэр, я не думаю, что шпионов Айрона привлекут такие непроходимые места.

— Хорошо, мисс Олимпия, если Вы хотите побывать в Гималаях, мы выполним Ваше желание, — Теодор Старший сделал паузу, — но Вы должны пообещать мне, что в течение этих трёх суток обязательно покинете Землю.

Олимпия кивнула:

— Ладно, можете рассчитывать на меня. Не в моих правилах подводить кого-то.

В комнату вошла Клара, неся пластиковый поднос с мороженым. Мороженное она любила готовить сама, особенно когда в доме были гости, и возникала отличная возможность блеснуть перед ними своим кулинарным мастерством.

Каждую порцию мороженого Клара положила в инкрустированный позолотой бокал и добавила в него экзотических фруктов с Юпитера: жёлтого пайса, розового лиморино и фиолетового лукиониса. От этого мороженное приобрело интересный цвет в зависимости от того, какой фрукт был по-

ложен.

— Угощайтесь, — сказала Клара, разнесла мороженное по гостям.

Олимпия с присущей ей детской непосредственностью захлопала в ладоши:

— Как здорово!

Мороженное показалось ей настолько вкусным, настолько изысканным, что дочь Командора попросила ещё одну порцию.

— Конечно, кончено, дорогая, — расчувствовалась Клара, — Сейчас я принесу. Я рада, что тебе понравилось. Если ты останешься у нас, я буду готовить тебе такое мороженное каждый день.

— Увы, мадам Клара, я не могу остаться у вас, даже если бы я этого очень хотела.

— Но..., — фиолетовые глаза Клары выразили очень сильное волнение, и Олимпии показалось, что в них застыли слёзы, — Но как же так? Я думала, тебе будет хорошо с нами: со мной и с Винвальдом.

Винвальд нежно обнял жену и увёл её в кухню. Перед тем, как выйти, он произнёс:

— Простите её. Это оттого, что у нас с Кларой нет детей, о которых она всю жизнь мечтала.

Когда они вышли, Олимпия поставила бокал с мороженым на столик и обратилась к Ги Стюарту:

— А как же королева? Как же она отнеслась к гибели мо-

его отца?

Милер пожал плечами:

— Сегодня должен был состояться Совет во дворце. Но я слышал только то, что с раннего утра Айрон запёрся в резиденции королевы и что-то долго обсуждал с ней. Затем средства массовой информации сообщили, что участники организации Сопротивления объявлены вне закона и преследуются, как государственные преступники.

— В чём же нас обвиняют?

— В том, что мы осмелились пойти против Центуриона. Разве этого мало, крошка? И потом, ты объявлена в розыск, тебя ищут по всей Земле. Рано или поздно они придут сюда, это лишь вопрос времени. Вот почему господин Теодор так обеспокоен Вашим присутствием здесь. Во всяком случае, на Меркурии не такой сильный контроль со стороны Айрона.

— А вы? Куда денетесь вы?

— До поры разбредёмся по всей Солнечной системе. Незбежность требует этого.

— Незбежность... Но почему же нельзя схватить Айрона и уничтожить?

— Айрон неуловим, мисс Олимпия.

Она сжала кулаки. В ясных голубых глазах загорелся неистовый огонь, и в этот момент всем показалось, что сам легендарный Командор Артур Крейг посмотрел на этот мир глазами своей дочери.

— Я верю, настанет день, когда я смогу отомстить Айрону

за гибель моих родителей.

— Я тоже верю, мисс Олимпия, но сейчас во имя Вашей безопасности Вы должны исчезнуть.

— Исчезнуть? Что Вы имеете в виду?

Теодор кивнул:

— Да, исчезнуть. А это значит, что официально Вы будете числиться погибшей. Ведь никто кроме Ваших близких не знал, что в тот вечер Вы отсутствовали, хотя, мне кажется, что они, т. е. Айрон и его команда кое о чём догадываются.

— Погибшей? Меня будут считать погибшей?

— Увы, с этим придётся смириться, — Теодор Старший оглядел всех присутствующих, — А теперь, господа, пора расходиться. Через два дня вы должны также исчезнуть, иначе всем вам грозит Колония.

Под словом «Колония» подразумевалась колониальная тюрьма на самой дальней планете галактики Церес. Не многие выходили оттуда живыми. Во-первых, узники не выдерживали непосильного труда, во-вторых, холодный климат с морозными иссушающими ветрами был слишком непривычен для заключённых. Большинство из них умирало, не прожив и года в жёстких условиях. Выживали лишь сильнейшие из сильнейших.

При упоминании о Колонии Олимпия вздрогнула, ей было даже страшно подумать, что кто-то из её друзей окажется там. Лучше смерть, чем Колония.

Первым вышел Теодор, затем Милер и Ги Стюарт. Пре-

красная полуобнажённая хаторянка держалась всё время рядом со своим «господином».

— Искатель приключений, неужели ты пал жертвой любви к биороботу? — спросил напоследок старина Ги.

Он ожидал, что Милер хотя бы улыбнётся, но выражение его лица оставалось серьёзным.

— Эта девушка спасла мне жизнь.

— Но ты сам сказал, что она — биоробот.

— Она слишком предана мне.

— Почему бы тебе не втрескаться в какую-нибудь хорошенькую марсианку. Они такие «цыпочки», и у них у всех красная кожа. Говорят, эти марсианки очень горячие в любви.

Милер покачал головой:

— Но никто из них никогда не был мне предан так, как Ахиль.

— Её зовут Ахиль. Припоминаю.

— Да.

— Необычное имя.

Ги Стюарт ещё раз подмигнул рабыне.

— Что ж, как знать, возможно, ты и прав. Тогда желаю тебе счастья. Она действительно смотрит на тебя влюблёнными глазами.

Через пару минут оба воздухолёта взметнулись в небо и скрылись из виду.

Оставшись наедине с Тиной, Олимпия горячо обняла

свою няню.

— Тина! Я никогда не отпущу тебя от себя! Только когда человек лишается друзей, он понимает, как они ему дороги.

— Вы действительно считаете меня своим другом, мисс Олимпия? — недоверчиво спросила Тина.

— Действительно. Жаль, что ты сомневаешься в моих чувствах.

— Чувства присущи только людям. У меня их нет.

— Неправда. Это не так. Вопреки всем законам логики я верю, что они у тебя есть.

Тина подошла к окну, посмотрела вдаль на зеленеющие плантации. День клонился к вечеру, и в небе замерцали первые звёзды.

Глава 4. Меркурий

«Никогда не бойся перемен, бойся отсутствия их».

(Бессмертный)

«Я ослепну... я скоро ослепну», — Олимпия протёрла глаза.

Горы — огромные бескрайние горы голубели в пространстве между небом и землёй, а вблизи всё выглядело каким-то нереальным, нечётким, смазанным. Ей вспомнились неутешительные прогнозы доктора, и от этого на душе стало как-то мрачно, тоскливо.

«Я скоро ослепну, и мир вокруг меня превратится в чёрное облако», — прошептала она.

Ветер неистово раскачивал колокол перед ламаистским монастырём, и этот звук разносился по всей округе. Монастырь представлял собой разбросанные по холмистой местности каменные постройки храмов, жилищ монахов. После многочисленных войн, которые терроризировали землю, таких храмов практически не осталось. А если и осталось, то преданные буддизму монахи давно их покинули, предпочитая, видимо, скитаться по вселенной, нежели являться источником преследования со стороны властей. Центурион был непримирим к религиям.

В руках она сжимала воздушного змея, как напоминание

обо всём, через что ей пришлось пройти накануне. Ветер трепал клеёнчатый пакет, из которого был сделан змей. Он рвался ввысь на тонком шнурке, чтобы улететь навсегда в небо, бескрайнее серое небо.

Александр, одетый в серебристый комбинезон сторонника Сопротивления, вышел из воздухолёта и помахал издали стоявшей на пригорке Олимпии.

— Эй! Мисс Олимпия, становится холодно. Кажется, будет пурга. Возвращайтесь обратно.

— Сейчас. Я подожду ещё немного. Вдруг он придёт.

Она была уверена, что Бессмертный существует в реальности, а не только в её фантастических снах. И всё же, она думала, что это глупо ждать сколько угодно того, чего она никогда не видела.

— Мисс Олимпия! Пора возвращаться.

Александр явно замерзал, несмотря на отличные теплоизоляционные свойства комбинезона. Его фасон был впервые сконструирован инженером из Института Космических Технологий Петром Берестовым почти 150 лет назад, и с тех пор к первой модели были добавлены новые усовершенствования и современные разработки. Первенство в этом принадлежало Земле и её прогрессивным умам. Такой комбинезон — форменная спецодежда была пригодной для работы в условиях самых жарких планет Солнечной Системы, а также там, где царил дикий холод. Александр не мог привыкнуть к подобному «маскараду», хотя и внушал себе мысленно, что

его тело предназначено для ношения комбинезона.

«Жизнь — это то, с чем придётся смириться,
Жизнь — это вызов нашему духу.
Никто не знает,
Когда она оборвётся,
А когда это случается,
Мы цепляемся за неё
Подобно путнику,
Находящемуся на маленьком островке
Посреди Огромного Океана Бытия.
Жизнь — это бесконечное начало
И бесконечное завершение...»

Когда-то она слышала эти слова, но не могла вспомнить, где именно, и кто их сказал.

Бессмертный вышел из монастыря и по тропинке направился в сторону Олимпии. Это был монах в длинной мантии цвета шафрана и посохом в руке. Смуглая кожа, узкие, чуть раскосые чёрные глаза были характерны для жителя Тибета и пустыни Гоби. Поравнявшись с Олимпией, Бессмертный улыбнулся.

— Итак, ты нашла меня? Но почему ты пришла?

— Значит, это был не просто сон.

— В этом мире ничего не бывает просто так.

Снова зазвонил колокол. Казалось, ветер являлся полномочным хозяином над этой пустынной местностью с огром-

ными шапками льда и снегом. Время словно совсем остановилось, как замирает Вечность, чтобы продолжиться где-нибудь совсем в другом измерении. Вечность, какая она? И существует ли грань между тем, что есть и тем, чего нет?

— Иди за мной, — сказал Бессмертный.

Олимпия последовала за монахом и вскоре оказалась внутри пустого храма. Перед тем, как войти в храм, Бессмертный дотронулся до колокола.

— И ты сделай то же самое.

— То же самое?

— Это — не просто колокол, это символ приветствия. Когда он звонит, ты, будто, говоришь миру: «Здравствуй, я здесь. Я пришла. Я нуждаюсь в твоей защите и помощи». Услышав твою просьбу, мир откликнется на неё.

Олимпия позвонила два раза. Просторная зала храма, где когда-то каких-нибудь два-три века назад проходили богослужения и обряды с возжиганием благовоний, была обращена на восток. В самом её центре на большом мраморном пьедестале в позе «лотоса» сидело золотое божество. Она внимательно посмотрела на лик божества, которое, казалось, глядело прямо в её глаза.

— Ты знаешь, кто это? — спросил Бессмертный.

— Нет.

— Будда — самый мудрый человек, живший на Земле.

— Разве Будда не бог?

— В любом божестве заложено человеческое, а в любом чело-

веке — божественное, только люди не осознают этого, они привыкли разделять мир духа от мира материи. На самом деле переход очень плавный, и наряду с яркими цветами есть ещё и полутона.

Сквозь стрельчатые окна показалось пробившееся из-за туч Солнце и осветило статую Будды, отчего та заискрилась зеркальными бликами.

— Догадываешься ли ты, для чего я позвал тебя сюда?

— Нет.

— Я хочу научить тебя слушать Безмолвие. Если бы люди умели это, они знали бы всё и не нуждались бы в советчиках.

— А разве у Безмолвия есть голос?

Бессмертный опустил на пьедестал и приложил ухо к божеству. Когда Олимпия склонилась перед Буддой, ей показалось, что молчаливый Мудрец «заговорил». Его «голос» отражался в ударах сердца, в шуме падающих капель, в вибрациях пространства, в завывании ветра и звоне колокола. Всё это внезапно слилось воедино, стало цельным, как становится цельным вода и сосуд.

— Ты слышишь?

— Я слышу то, чего не должна слышать.

Бессмертный вновь улыбнулся, но сквозь эту улыбку она видела его серьёзные глаза, озарённые древней мудростью давно забытых предков. Подумать только, когда-то они точно так же ходили по этим мраморным плитам пола и слушали то, что скажет Золотой Будда. А теперь всё это происхо-

дит с ней.

— Ты научишься, ты обязательно научишься.

Слёзы хлынули из её глаз.

— Что же мне делать?

— Жить.

— Но я не хочу жить.

— Тогда послушай, что я расскажу тебе. Я расскажу тебе притчу о том, как один человек мечтал свести счёты с жизнью.

Притча о самоубийце

Когда-то очень давно на Земле жил самый несчастный, как ему казалось, человек. Он был беден и жил в лесу прямо под открытым небом. Он носил старую одежду, со временем превратившуюся в лохмотья, у него не было денег, и он питался, чем придётся: иногда люди давали ему пищу, иногда он собирал свежие ягоды и грибы и ел. Он постоянно сетовал на свою судьбу, и поэтому у него не было друзей. Однажды в той местности на протяжении нескольких дней шли проливные дожди. Человек замёрз, промок до нитки, и так ему стало худо, что он решил свести счёты с жизнью.

Он пошёл к бурной реке, со всех сторон окружённой крутыми берегами, прочёл прощальную молитву и бросился вниз. Однако к его удивлению потоки реки

вынесли его на пустынный песчаный берег. Вокруг никого не было кроме монаха, который был занят медитацией. Он сидел в позе «лотоса», закрыв глаза, и просто молчал. Несчастный совсем растерялся, подошёл к монаху, и, смиренно поклонившись ему, спросил:

— Куда я попал, о, мудрейший?

Но монах продолжал так же сидеть в позе «лотоса» и медитировать.

— Куда я попал, о, мудрейший? — повторил свой вопрос бедняк.

Монах снова ничего не ответил. Тогда бедняк сел рядом с ним. Он сидел, долго ничего не говоря и не двигаясь. И тогда ему показалось, что внутри его головы произошёл разговор с молчаливым монахом.

«Неужели ты действительно так беден?» — спросил молчаливый монах, не произнеся ни слова.

«У меня нет ни друзей, ни крова, ни еды. Я постоянно испытываю дикий голод. Неужели есть ещё на свете человек беднее меня!» — сетовал бедняк.

«Но у тебя есть руки и ноги. Представь только, миллионы людей, лишённые этих частей тела, позавидовали бы тебе».

Несмотря на это, бедняк продолжал сетовать на свою судьбу, проклиная себя. Тогда безмолвный монах ответил: «У тебя есть жизнь. А что может быть ценнее этого дара?»

«Она мне не нужна, и я с большой охотой подарил бы её тебе».

Монах, который сидел на берегу реки, был не простым монахом. Он умел совершать чудеса, и люди называли его «вошебником», потому что он преодолел свои слабости и поднялся до истоков Жизни и Смерти. Он нашёл Истину и открыл тайны Вселенной.

Он слегка дотронулся до бедняка, и тот сразу умер. Его дух вышел из тела. Тогда монах сказал: «А теперь посмотри, чего ты мог добиться в будущем, если бы не пожелал смерти».

И перед ним возникли такие невероятные картины, какие ему никогда и не снились при жизни. Сначала он увидел уютный богато обставленный дом, утонувший в глубине раскидистого сада со множеством цветов. Затем он увидел, как в дом вошёл человек, изысканно одетый, а позади него слуги несли корзины, полные фруктов. Каково же было удивление бывшего бедняка, когда в этом человеке он узнал себя.

«Что же это такое?» — спросил дух бедняка.

То, что ждало тебя, но теперь уже поздно, ты сделал свой выбор».

И тогда бедняк понял, в чём была его ошибка. До тех пор, пока у него была жизнь, он мог изменить свою судьбу. Лишившись её, он лишился точки приложения своим силам и способностям.

«О, нет! — воскликнул мятежный дух, низко склонился перед молчаливым монахом и воззвал к нему, — Ты преподал мне хороший урок. Так поступают лишь воистину Великие Мудрецы. Кто же ты?»

Но молчаливый монах продолжал так же молчать,

не произнося ни слова. Тогда дух бедняка взмолился.

«Прошу тебя, верни мне мою жизнь. Я понял, когда мы преодолеваем препятствия, это обогащает нас, и придаёт смысл нашему существованию. Но как же я был глуп!»

Но как бы ни молился, ни просил, ни умолял бедняк, молчаливый монах всё так же продолжал сидеть в позе «лотоса» и медитировать, погружаясь в заоблачные дали, недостижимые для обывателей.

Бессмертный умолк, и Олимпия поняла, что он закончил своё повествование.

— И это всё?

— Да.

— Неужели бедняк так и не получил обратно дар жизни, который так бездумно отдал?

Бессмертный вздохнул:

— Конечно, получил, и этот бедняк сейчас стоит перед тобой.

— Так это Вы? — удивилась Олимпия, — Тот монах подарил Вам жизнь, и Вы стали бессмертным?

Он кивнул.

— Да, потому что тогда я постиг одну главную истину. Никто не проживёт за тебя твою жизнь, каждому даётся своё место, перед каждым простирается его путь, по которому он должен пройти, потому что мы тоже все разные.

Бессмертный снова замолчал. По мере того, как Солнце начинало пробивать брешь сквозь толстый слой облаков,

слившихся в единую массу на небе, статуя Золотого Божества испускала от своей поверхности всё больше и больше света, и от этого храм почти весь полностью засиял изнутри.

Бессмертный заговорил:

— На Земле прошло много эпох. Если бы мы вернулись в прошлое, нам показалось бы, как примитивно жили люди. С тех пор произошло много изменений: человечество достигло немыслимого прогресса: освоило Космос, сделало обитаемыми другие планеты, установило связь со своими братьями по разуму. А здесь всё осталось таким, как прежде, будто и не было никакого прогресса. Иногда сюда прилетают люди, приходят паломники из дальних мест, чтобы помолиться и попросить богов о помощи. Здесь всё, как прежде, потому что Истина всегда остаётся неизменной. Истина — это то, что внутри нас, но как часто мы не замечаем её, отталкиваем от себя, продолжая существовать в этом, надуманном нами мире. Я — бессмертный, но если бы ты знала, какое страшное бремя я ношу с собой. Я вижу, как умирают люди, сменяются эпохи, но, увы, ничего не могу с этим поделать, оставаясь лишь внешним созерцателем.

Ветер стих, вокруг воцарилась тишина, вероятно, пурги не будет.

— Знаешь, кто был этим молчаливым монахом? — спросил Бессмертный.

— Нет.

— Будда. Сам Великий Будда подарил мне бессмертие.

— Теперь Вы жаждете смерти?

— Я учу Истине, и в этом моя миссия. Возьми это снадобье, оно поможет тебе.

Бессмертный протянул небольшой стеклянный пузырь, наполненный до верху разноцветными пилюлями.

— Однажды мне передал их Будда и сказал: «Тебе пригодится». Он видел будущее, как видит его Сам Бог. Твои глаза не покроются слепотой.

— Как я могу отблагодарить Вас?

— Я не нуждаюсь в благодарности с того времени, как стал бессмертным. Земля сейчас опустошена, находясь под гнётом иноземцев. Твой отец что-то знал, но не донёс эту информацию до влиятельных людей, от которых зависит судьба планеты. Ты продолжишь его дело.

— У меня много друзей и сторонников моего отца, они хотят помочь мне.

— А ты уверена в них? — произнёс Бессмертный.

— Уверена? Вы хотите сказать, что... что... среди приближённых отца есть предатель? Кто же он?

Олимпия вздрогнула от собственного предположения. Ей даже не приходили в голову подобные мысли, ведь она слишком сильно доверяла людям. И догадка о том, что среди них вдруг мог оказаться некто двуличный, преследующий сугубо свои собственные интересы, была дикой для неё. В голове мелькнули знакомые образы: Александр, сильный, мужественный, никогда не расстающийся со знаком Алеханд-

ро на толстой цепи, Густав Милер, помешанный на романтике, Весельчак Ги — любитель вкусно поесть, Патриций — один из самых молодых министров в команде Движения и много-много других, которых она часто встречала на торжественных приёмах и светских вечеринках.

— Кто? Кто этот человек?

Мысль о предателе незаметно заползла внутрь её сердца и растворилась в нём.

Вновь зазвонил колокол у входа в храм, как будто кто-то слегка дотронулся до него. Золотой Будда продолжал созерцать окружающий мир прямо и беспристрастно. Олимпия отвлеклась, посмотрела в центр залы для молитв. Никого не было.

— Где Вы?

Бессмертный исчез.

Взволнованный Александр вбежал в залу:

— Мисс Олимпия, нужно улетать, как можно быстрее. Кажется, будет буря. Если через несколько минут мы не улетим, нас занесёт снегом.

— Ты никого не видел?

— Нет.

— Неужели ты никого не видел?

Александр отрицательно завертел головой.

— Нужно спешить.

«Он не может быть предателем, он слишком предан отцу. Он готов рисковать собственной жизнью ради моей».

Олимпия нежно обняла своего телохранителя, не обратив внимания на то, как краска смущения прилила к его лицу.

Когда, наконец, маленький оранжевый воздухолёт поднялся в серое небо, она видела, как воздушный змей мелькнул где-то в пространстве между небом и землёй и скрылся в надвигающихся облаках снега. Сердце Олимпии дрогнуло, когда она смотрела на то, как он исчезает, но она заставила взять себя в руки.

«Мне нельзя расслабляться, ведь на мне лежит большая ответственность за судьбу Земли и судьбы всех её жителей. Я обещаю тебе, отец, что сделаю всё возможное и даже невозможное, дабы начатое тобой дело не умерло».

* * *

Теодор Лидьярд Старший выполнил своё обещание. Он достал билет на звездолёт до Меркурия и приготовил новый идентификационный номер и документы на имя некой Джовании Марсело, дочери покойного итальянского коллекционера старинной живописи Франческо Марсело. Центральный Компьютер быстро идентифицировал новоявленную итальянку по роговице глаза.

Звездолёт представлял собой огромный плоский диск, внутри которого в оба круга располагались места для пассажиров, снабжённые нехитрыми техническими приспособлениями. Например, при нажатии нужной кнопки сиде-

нье мгновенно разворачивалось, раскидывалось, становясь спальным кювезом, где ты мог уснуть, пока звездолёт преодолевал необъятные просторы Космоса и проспать до самой станции назначения. Или если будет нажата другая кнопка, ты мог наслаждаться звуками приятной музыки.

Стройные стюардессы-меркурианки с яркими зелёными глазами в коротких клетчатых юбочках и красных жилетах униформы, сшитой из синтетики, ходили с каталками-подносами по кругу, подходили к пассажирам, предлагая им или порцию коктейля, или мороженого, или горячий обед. Однако в том случае, если пассажиром оказывался какой-нибудь центурианин, то в меню непременно включались сырые мозги.

Тина сидела ближе к иллюминатору рядом с Олимпией, Александр — по другую сторону от своей подопечной. Тюки с вещами, а они представляли собой две коробки, находились в багажном отделении. В соответствии с Правилами перемещения, разработанными ещё в 2150 году Министерством по космическим рейсам, к каждой коробке был прикреплён специальный номерок с нанесёнными на него виртуальными цифрами.

Александр был занят обедом, который состоял из порции овощного рагу с искусственным мясом курицы — привычное блюдо для желающих поесть «на скорую руку». Уже давно человечество научилось производить мясо на химических комбинатах, разбросанных по всей Земле. Естествен-

но, оно не обладало вкусом, присущим для натуральных продуктов, но деваться было некуда — существовало табу их употребления под угрозой пожизненного заключения в Колонии. Свежее мясо могла позволить себе только высокопоставленная элита и, конечно же, Айрон. Он просто обожал сырое мясо и в особенности сырые мозги, тем самым вызывая отвращение у остальных обитателей космоса.

Некоторые космические компании по туризму пользовались более дешёвыми методами привлечения клиентов. К каждой порции заказа подавался брикет «трансформированного н.з.». Что такое «трансформированное н. з», или, как его ещё называли, «трансформер»? Этот «подарок» был разработан Институтом пищевых добавок. Он добавлялся в заказ — обычную безвкусную массу, разбухающую и увеличивающуюся в объёме после растворения в воде, и придавал готовому блюду характерный вкус и аромат, который хотел получить заказчик. Это могли быть грибы или спагетти с ветчиной, и ты даже мог воочию «видеть» эти спагетти. Вся хитрость заключалась в том, что импульсы с «трансформеров» передавались в Центральную нервную систему человека и даже животного, достигали «центра желания», и в ответ получалось именно предпочитаемое заказчиком блюдо.

Однако многие юридические фирмы давно «раскусили» этот приём. Поэтому, билеты в таких туррейсах стали падать в цене, а подобное было невыгодным поставщикам услуг. По сравнению с прошлым Земли натуральные продукты цени-

лись намного выше, нежели искусственные по причине их дефицита.

Минителевизор передавал какую-то развлекательную программу. Яркие краски мелькали то здесь, то там, и Олимпия сонно кивала головой, не обращая никакого внимания на глупую ведущую-центурианку с устрашающе жёлтыми зрачками глаз. Вдруг флуоресцирующий экран неожиданно завибрировал, появилась реклама «Последних Новостей» с Земли.

Инга — известный диктор телевидения Земли в строгом тёмно-синем пиджаке и белоснежной рубашке подарила многочисленным телезрителям со всей Солнечной системы свою неподражаемую белозубую улыбку. Инга была жительницей Венеры, иначе после переворота её бы просто не допустили до работы. Земляне были в опале, и, как сказал Лидьярд Старший, часть сторонников Движения Сопротивления была выловлена и отправлена в Колонию на пожизненное заключение «за измену Королеве и её власти». Несмотря на это, все, однако, понимали, что на самом деле им инкриминировалась измена Айрону и его режиму.

А что же королева Леминия? Она вновь оставалась безучастной, «бесхребетной», бесхарактерной. Она снова, как будто, была не у дел, она снова без слов переметнулась на сторону Айрона. Многим, тем более Лидьярду Старшему, такое поведение казалось подозрительным, но все вплоть до безголосых министров и членов Королевского Совета пред-

почитали по-прежнему хранить молчание.

Сквозь тревожные мысли Олимпия услышала приятный голосок Инги.

— Сейчас у меня в студии находится Первый Министр Правительства Земли Айрон. Итак, г-н Айрон, что Вы намерены предпринять после всех произошедших событий?

Айрон — гордый, как индюк, уставился в экран, кулаки Олимпии сжались, она кожей почувствовала центурианина. Мутное облако постепенно стало оформляться в отчётливый образ инопланетянина (пилюли, данные Бессмертным, уже начали оказывать своё ощутимое лечебное действие). Она готова была разбить телевизор вдребезги.

— Что я намерен предпринять? О, да, я намерен очистить эту планету от тех, кто идёт против её интересов. Скоро здесь будет всё по-другому.

— Легендарный Артур Крейг погиб. Значит ли это, что те ужасные взрывы в ночь с 11 на 12 июня — дело, к которому причастна Ваша команда?

— Крейг пострадал от рук своих же последователей.

— Хорошо. Позвольте спросить, каково здоровье королевы?

— О, она чувствует себя прекрасно. Правда, в последнее время её начало беспокоить лёгкое недомогание. Но, думаю, её величество Леминия скоро поправится после пары недель, проведённых на Красных Островах на Марсе и на Большом Солёном море Меркурия.

Снова на экране возникло лицо Инги.

— Итак, Айрон, как всегда полон сил и планов. На этом я заканчиваю интервью с Первым Министром Правительства Земли — знаменитым Айроном. Выпуск продолжит прогноз погоды Земли и основных планет Системы Четвёртого Пояса Галактики. Оставайтесь с нами.

Вместо привычной заставки перед прогнозом погоды появилось вновь лицо Инги спустя секундной паузы.

— Внимание! Экстренное сообщение. Разыскивается дочь Командора Артура Крейга — Олимпия Крейг, исчезнувшая в ночь с 11 на 12 вместе с биороботом-няней и телохранителем. Особые приметы: биоробот в облике японки, на левой щеке у Олимпии Крейг — небольшая родинка.

На экране возникло фото Олимпии. Эту фотографию она сразу же узнала. Она была сделана за три месяца до трагедии на Средиземном море, где семья Командора отдыхала. Олимпия была запечатлена на объёмное фото на фоне моря. Солнечные лучи осветили её густые чёрные волосы, жёлтый купальник, большие голубые глаза в зарослях ресниц.

Александр отложил рагу.

— Так, значит, они нас ищут?

— Тише!

Олимпия спряталась за спинку мягкого пассажирского кресла.

— Откуда им известно, что я осталась в живых? Откуда они знают про Тину и про тебя?

Александр пожал плечами.

«Кто же предатель?»

Ужасная мысль, поведенная Бессмертным, продолжала сверлить душу Олимпии. Она схватилась за голову.

— Но мистер Лидьярд обещал, что всё будет в порядке, и мы благополучно долетим до Меркурия.

— Вам плохо?

Стюардесса-меркурианка низко склонилась над Олимпией.

— Нет-нет, мне уже лучше.

— Может, Вам требуется медицинская помощь, мисс? Тогда я сейчас приглашу врача. На борту нашего лайнера есть опытный доктор с Плутона.

Толстая прядь волос упала на лоб Олимпии, закрыла глаза.

— Поверьте, я не нуждаюсь в помощи. Если Вас не затруднит, принесите, пожалуйста, мороженого. Я очень люблю мороженное.

— У нас есть отличное мороженное с экзотическими фруктами Земли, с пайсом, гуанаго. Какое Вы предпочитаете, юная мисс?

— Гуанаго? Что такое «гуанаго»?

— Это — небольшое дерево с довольно толстой корой и большими розовыми фруктами. Они очень сладкие и растут только на Меркурии. Вы предпочитаете попробовать мороженное с гуанаго?

— Да.

— Ваш заказ записан.

Стюардесса прошла дальше, подойдя к следующему пассажиру.

— Может, ты тоже хочешь мороженное с гуанаго?

Александр вытер влажный от пота лоб. В салоне звездолёта с каждой минутой становилось жарко.

— Нет, мисс Олимпия, мне что-то не хочется.

— Когда-нибудь я всё равно вернусь на Землю.

Тина нахмурилась.

— Даже не думайте об этом. Ещё неизвестно, удастся ли нам благополучно сойти на Меркурии. Нас уже ищут агенты Айрона. Я не уверена, что они не напали на наш след.

Олимпия пожала плечами.

— К чему такая настороженность? Мне кажется, всё будет в порядке. Мистер Теодор позаботится о нашей безопасности, ведь агенты Айрона не чувствуют себя свободно на Меркурии.

— Мисс Олимпия, я Вам не позволю лететь на Землю!

— Почему же это? На сей раз тебе будет некому пожаловаться.

— Мистер Теодор тоже не станет радоваться Вашему бегству.

— Так ты хочешь опираться на его поддержку?

— Во всяком случае, я не собираюсь быть такой же недалёковидной, как раньше.

— Но ведь ты же сама знаешь, что как раз именно твоя недалёковидность могла явиться причиной моей гибели, если бы я и Александр остались в доме в ту ночь. Александр, а ты что думаешь?

— Мисс Олимпия, я считаю, что Тина права, несмотря на то, что ... что я испытываю к Вам глубокую симпатию.

Она улыбнулась, на щеках появились маленькие ямочки.

— А может, ты любишь меня?

— Гм... гм...

— Я тоже тебя люблю, как старшего брата. Знаешь, я всегда мечтала о том, чтобы у меня был старший брат.

— Как бы там ни было, но я не позволю лететь Вам обратно на Землю, и Александр поддерживает меня, хотя мы не всегда раньше ладили с ним, — буркнула Тина.

— Ты слишком сильно ожидаешь опасности, даже если её нет.

Неожиданно звездолёт качнуло. Мороженное с гуанаго, которое только что намеревалась есть Олимпия, тотчас оказалось на полу. У кого-то разлился кофе. Несколько пассажиров с беспокойством уставились в круглые пластиковые стёкла иллюминаторов.

— Уважаемые пассажиры, — загудели динамики по всему салону, — займите свои места и пристегните ремни безопасности. Наш звездолёт попал в турбулентность и благополучно вышел из неё. Уверяем вас, дальнейшее продвижение обещает быть приятным и не столь утомительным.

— Вот видите! Мы только что говорили о безопасности и тотчас попали в эту самую турбулентность, — продолжала Тина вопреки тому, что её воспитанница вовсе не слушала её, пытаясь выглядеть безучастной.

— Ну и что? Это произошло случайно. При полёте подобное бывает не так уж редко. У меня начинает складываться впечатление, что ты дрожишь, как осиновый лист, при каждом таком совпадении.

— Не смейтесь надо мной, Вы увидите, я ещё окажусь права.

— Милая Тина, никто и не думал смеяться над тобой.

Тина скривила губы, при этом выражение её лица выглядело совсем ненатурально и напоминало маску из папье-маше.

— Эмоции...люди часто подвержены эмоциям, они отбрасывают в сторону элементарный здравый смысл.

— Ты бываешь неисправима.

— Мисс Олимпия, как раз-то меня можно исправить, если вовремя заменить микросхемы.

— О, я вовсе не об этом.

— О чём бы Вы ни говорили, Вы всё равно смеётесь надо мной.

На телеэкране возникли полосы, затем Олимпия увидела Теодора Старшего.

— Мисс Олимпия, прошу прощения, что не смог проводить Вас, у меня возникли срочные дела на Земле. Как про-

ходит Ваш полёт до Меркурия?

— Здравствуйте, мистер Теодор. Здесь очень душно, а так всё нормально. Хотя только что по телевидению передали, что я объявлена в межпланетный розыск.

Теодор Старший улыбнулся по ту сторону экрана.

— Об этом можете не волноваться. На Меркурии ненавидят Айрона. Кстати, Вас встретят в космопорте.

— Спасибо. Я очень благодарна Вам лично и всем, кто оказал содействие моей дальнейшей судьбе.

— И всё же, дорогая, я вижу, Вас что-то беспокоит.

— Я не знаю, откуда правительство Айрона могло получить информацию о том, что я жива. Сначала Вы говорили, что никому об этом неизвестно кроме приближённых моего отца.

— Вы думаете, среди нас есть предатель?

— Но ведь кто-то же передал им информацию, или они просто догадались?

— Такое тоже нельзя исключить. Я Вам обещаю, что наведу справки. Увы, предатели существовали всегда, люди по своей природе жадны и корыстны.

Связь окончилась. Вместо Теодора — премьер-министра Меркурия на экране зачернело небо со множеством ярких звёзд. В центре выделялся маленький слегка желтоватый мерцающий шарик Меркурия. Эта планета была освоена землянами одной из самых первых, проводились кропотливые длительные исследования по изучению атмосферы, по-

ка, наконец, не было сделано важное открытие — планеты Солнечной системы, включая галактики Третьего и Четвёртого поясов вполне пригодны для жизни. С того времени (более 500 лет назад) началось повальное заселение «пустых» планет, как землянами, так и «гостями» с космоса.

Александр сжал в ладони знак Алехандро, поцеловал его.
— Мисс Олимпия, кто этот предатель? — спросил он.

Она посмотрела в его глаза — они были чистыми, открытыми, какими могут быть только глаза друга, самого искреннего и честного, на которого всегда можно опереться и искать его поддержки.

— Мой Александр, я действительно очень люблю тебя и не хочу, чтобы ты мучился подобными мыслями.

— Но ведь есть же предатель.

— Есть, — твёрдо сказала Тина.

— Откуда ты знаешь?

— Он есть, но я не могу назвать его имя.

— Не можешь назвать? Но почему?

— В моих файлах отсутствует эта информация.

— Как жалко.

Олимпия закусила губу.

— Отныне Айрон будет отслеживать каждый мой шаг.

— К счастью, на Меркурии он не сможет Вас арестовать, поэтому я рада, что мы вовремя покинули Землю.

Картинка на экране снова поменялась. На фоне чёрного звёздного неба Олимпия различила Землю — её родную

планету, где она родилась и выросла. Голубые глаза наполнились слезами, она разрыдалась, прильнула к Александру.

— Успокойтесь, мисс Олимпия. Сейчас Вы должны думать о будущем, о том, что у Вас начинается совсем другая жизнь.

— Я не могу забыть того, что со мной было там, на Земле.

Олимпия запустила руку в карман комбинезона. На детской ладони лежали две маленькие жемчужины. Они напоминали ей об Океане, о давно ушедших радостях и печалях. Ей совсем не хотелось думать о том, что ждёт её впереди, потому что Меркурий никогда не станет ей близким.

— Помнишь?

Александр кивнул.

— Мне кажется, тот вечер я запомню на всю жизнь.

Олимпия закрыла глаза.

...Прилив с каждой минутой прибывал, скрывал под водой прибрежные острозубые скалы. Они торчали из самого дна наподобие зубьев мистического дракона. Нет, конечно же, дракона не существовало на самом деле, но, обладая хорошим воображением, можно было придумать всё, что угодно.

Солнечный диск плавно скользил по волнам, и было похоже, что он танцует какой-то неистовый танец. А там где-то очень далеко на песке смеялись земляне, и побережье окуналось целиком в это веселье.

Ты выплываешь из-под скал, вновь ныряешь и плывёшь

дальше, скользишь по сырым склизким камням дна, выплываешь и думаешь, что кроме тебя и Бескрайнего Океана больше ничего на свете нет. Но это не так, ибо на Земле ты не один и не можешь быть одним...

Неужели сладкий экзотический, похожий на невероятную сказку Меркурий станет её последним пристанищем? Да и мог ли человек с огромной, бьющей через край жаждой жизни смириться с этим? Во всяком случае, не она — Олимпия Крейг, единственная дочь погибшего Командора. Погибшего...

Мысль о смерти горячо любимого ею отца до сих пор не давала покоя, изнутри грызла сердце, свербила где-то в животе. Говорят, мысли не могут молчать. И это оказалось действительно так.

«Вопреки всему, всем преградам и препятствиям, которые я встречу на своём пути, всё равно я вернусь сюда», — твёрдо решила Олимпия.

Она очнулась от того, что кто-то слегка дотронулся до её плеча.

— Юная леди, не желаете ли Вы апельсинового сока?

Стюардесса улыбнулась.

— Нет. Скажите, мы скоро прилетим?

Стюардесса глянула на часы.

— Осталось ещё шесть часов.

— Шесть часов?

— Мы движемся с максимальной скоростью.

— Пожалуй, я выпью немного сока.

Олимпия пригубила высокий бокал с ярко-оранжевой жидкостью. На самом деле ей совсем не хотелось пить, просто она почувствовала сильную потребность отвлечься от своих тяжёлых мыслей.

Маленький голубой шарик Земли продолжал мерцать на тёмно-бархатном звёздном фоне экрана. Она улетала на Меркурий не по своей воле, она осталась сиротой, лишившись родителей — самых любимых, самых добрых людей в её жизни, жизни маленькой девочки с планеты Земля...

Глава 5. Теодор Младший

Космопорт на Меркурии представлял собой огромное стеклянное здание, построенное в виде купола и увенчанное вращающимся в кольце шаром. Шар лилового цвета изображал Меркурий. Здесь же по верхнему контуру диаметра купола была длинная надпись: «Добро пожаловать. Станция «Меркурий».

Вокруг царил настоящий переполох: на территорию космопорта то влетали, то вылетали воздухолёты с вечно спешащими пассажирами-меркурианцами. Они выскакивали из воздухолётов, шли в здание космопорта, чтобы приобрести билеты на тот или иной межпланетный рейс. Диктор приятным женским голосом через определённые промежутки времени объявлял посадки.

Одни звездолёты оканчивали здесь свои рейсы, другие — лишь ненадолго останавливались в космопорте и следовали дальше до новой станции назначения.

Климат на Меркурии из-за близости к Солнцу отличался холодными ночами, когда ты по-настоящему замерзал, и очень жаркими днями. Недаром коренные жители имели густой загар.

Их встретил очень высокий человек в светло-сиреновом лёгком комбинезоне и странном головном уборе в виде пирамиды. В такую жару было забавным одевать комбинезон,

хотя вряд ли кому-нибудь было известно о том, что подобный комбинезон — форменная спецодежда меркурианских служащих был дополнительно снабжён охлаждающим устройством, чтобы в жару её обладатель чувствовал себя комфортно. Это нововведение считалось «ноу-хау» меркурианских учёных и содержалось в большом секрете от «интересующихся» сторон.

У человека были светлые волосы, выставлявшиеся из-под пирамиды, и неизменные зелёные меркурианские глаза. Он сразу же узнал прибывших, когда они сходили по лестнице со звездолёта на землю Меркурия и, подойдя к ним, с почтением поклонился.

— Это Вы Олимпия Крейг? — спросил незнакомец.

Олимпия кивнула.

— Мне приказано Вас встретить и проводить в дом г-на Лидьарда. Он просит прощения, что задержится на Земле ещё на несколько дней. Давайте сюда свои вещи.

Только сейчас Олимпия заметила над незнакомцем зависшую в воздухе «тележку-грузчик». Такие «тележки» доставляли груз и владельцев груза к транспортному средству и считались собственностью любого уважающего себя космопорта, как частного, так и государственного уровня. Александр радушно поставил вещи на землю, вытер струящийся на лбу пот.

— Жарко тут у вас, — сказал он.

Без тени эмоций незнакомец нажал красную кнопку на

своём запястье. Как по велению невидимой волшебной палочки «тележка» медленно приземлилась и подъехала к гостям. Она состояла из двух частей: одна часть предназначалась для вещей, и была разделена на сектора; другая — для людей. Единственное неудобство состояло в том, что всё время, пока «тележка» курсировала по воздуху, ты должен был стоять. Но, как правило, путь был достаточно коротким, и ты просто не замечал этого недостатка.

Перед тем, как взойти на «тележку», Олимпия обратилась к незнакомцу:

— Простите, как Вы нас нашли?

— Во-первых, г-н Лидьярд дал очень точное описание Вашей внешности, мисс; во-вторых, он оставил Вашу фотографию; в-третьих, Вы очень походи на Вашего отца, а все мы являемся его поклонниками и последователями; а в-четвёртых, Вас сопровождает темнокожий телохранитель и биоробот.

При слове «биоробот» Тина поморщилась и презрительно посмотрела на меркурианца.

— Не волнуйтесь, моей няне не нравится, когда её называют биороботом.

— Прошу меня простить.

На этот раз он обратился уже к самой Тине.

— Охотно, — фыркнула та, — если Вы больше не повторите своей ошибки.

Олимпия расплылась в улыбке.

— На самом деле она добрая и сильно заботится обо мне, но к ней нужно привыкнуть.

Меркурианец закивал в знак того, что он понял сказанное.

Пролетая над столицей Меркурия — Гермеполисом, названного в честь мифического покровителя планеты Гермеса Трисмегиста, Олимпия отметила для себя, что город был насыщен благоухающими садами, парками, зонами отдыха со множеством цветов, воздух был свежим и одновременно знойным.

Меркурианцы — беспокойный народ не могли уgomонить-ся даже в выходные дни. Люди спешили в магазины и торговые центры, их было так много, что они буквально наводнили собой всё свободное пространство города. В основном, люди жили на земле, лишь немного предпочитали воздушные бунгало наподобие своих земных «собратьев». Поэтому редкие шары их «домов» висели в нескольких ярдах над Гермеполисом. Среди них встречались также кафе, бары, просто развлекательные танцплощадки.

Что касается воздушных кафе, то они собирали в себе основную массу клиентов (а это была, как правило, «зелёная молодёжь»), чем вызывали недовольство владельцев наземных баров, ибо основной их доход «уходил на воздух». Правительство, внемля жалобам неудачливых бизнесменов, пыталось применять разные меры для ограничения деятельности воздушных кафе. Оно издавало указы по увеличению налогов, но эта мера не помогла — воздушные кафе росли, как

грибы после дождя, и в последнее время отмечался настоящий бум по этому поводу.

Олимпия закрыла глаза и вдохнула приятный благоухающий аромат цветов. Они росли и в небольших подвесных садах, каких не существовало на Земле поныне. Подобные сады были когда-то в Древнем Вавилоне, Древнем Египте, и их устройство хранилось в большом секрете. С наступлением Новой Эпохи тайны эти, наконец, были раскрыты, и Меркурий превратился в роскошный вечнозелёный, вечно цветущий сад.

«Почему бы на Земле не сделать то же самое? — подумала Олимпия, — но центуриане, а тем более Айрон, не любят цветы. Недаром их планета скучна и бедна растительностью».

— Вам нравится? — спросил меркурианец.

— Очень. На Земле нет такого великолепия, но всё равно я люблю Землю и мечтаю вернуться.

— Об этом не может быть и речи. К тому же, Земля — умирающая планета. Учёные прогнозируют, что через каких-нибудь десять лет климат на ней так изменится в сторону похолодания, что станет непригодным для жизни. Это значит, рано или поздно придётся покинуть Землю и переселиться на более приемлемую планету.

— Покинуть Землю? Но... как же так! Здесь похоронены мои предки, родители. Я настолько сильно привыкла к ней, что даже не могу представить, как изменится моя жизнь, ес-

ли я никогда больше не увижу Землю.

— Мисс Олимпия, в этом мире нет и не может быть ничего постоянного. Всё является временным и относительным. Когда-нибудь всё равно это должно было случиться. Согласитесь, ведь люди подвержены старению и смерти. Это же самое относится и к планетам.

— Планеты тоже умирают?

— Я читаю в Ваших глазах отчаяние, я сочувствую Вам, но ничего не могу изменить.

...Резиденция премьер-министра г-на Лидьярда располагалась сразу же за Гермеполисом. Это был трёхъярусный двухэтажный дворец, сооружённый по замыслу известных архитекторов Меркурия (его строительство заняло два десятилетия) из редких пород гранита, привезённых с Земли.

Как все дома, обиталища коренных жителей планеты дворец Теодора Старшего утопал среди огромного великолепного сада, окружённого плодовыми деревьями. Над поверхностью сада был разбросан другой сад, но в отличие от первого фруктового сада этот второй был насыщен декоративными растениями и лианами.

Лишь у состоятельных горожан в садах располагались многочисленные фонтаны с изображением различных мифических существ и героев древнегреческих легенд. На Меркурии чтили Древнюю Грецию, так как Гермес был выходцем из Греции.

Первый этаж предназначался для торжеств и деловых

встреч, здесь размещались залы, выложенные целиком из ценных минералов Меркурия со старинной мебелью. Второй этаж состоял из спальных комнат, комнат для гостей. В каждой такой комнате был бассейн, где уставшие с дороги посетители могли поплавать в своё удовольствие и окунуться во времена древнегреческих гладиаторов, ибо вся обстановка была очень похожа на тот период истории Земли.

Прибывших встретили два слуги и сразу же провели их в покои, однако Олимпия высказала желание остаться в саду возле фонтана Афины — богини плодородия и наук. Она была сделана из мрамора в виде молодой пышнотелой девушки с длинными волосами в хитоне и сандалиях. Её голову венчал рыцарский шлем, какие когда-то носили древнегреческие воины. В правой руке она держала копье, в левой — меч, опущенный на землю. Прозрачные струи фонтана окутывали Афину, стекали по её одежде.

Казалось, ещё немного, и она вот-вот оживёт, но она не оживала, а стояла, гордо подняв голову, как настоящий воин, полный спокойствия и одновременно силы.

Олимпии показалось, что кто-то очень внимательно смотрит на неё. Она огляделась — раскалённый диск Солнца приобрёл ярко-оранжевый оттенок, окрасив широкую полосу неба в охряные тона. Зной постепенно усиливался.

— Кто здесь?

Звуки падающего фонтана успокаивали, настраивали тебя на созерцательность и сонливость. Бессмертный вышел из-

за кустов акации, Олимпия протёрла глаза — его образ был ещё не совсем чётким и ясным, так как его покрывала мутная пелена, но с каждым днём она становилась всё тоньше и тоньше, и зрение постепенно возвращалось к ней.

— Это Вы?

— Я пришёл сюда, чтобы навестить тебя.

— Но ведь Вы же остались там, в Гималаях, в том самом храме с колокольчиком и Золотым Буддой.

— Ты забыла, я бессмертный, и могу появляться там, где захочу. Сегодня я на том конце Вселенной, завтра — на другом.

— Как Вы это делаете?

— Это — большая тайна, и вряд ли ты сейчас поймёшь всё, что я тебе скажу.

— Я попытаюсь.

— Ты до сих пор скорбишь, и это читается на твоём лице.

Бессмертный сел рядом с Олимпией, поднял вверх указательный палец правой руки — обычно этот жест означал, что человек желает сообщить что-то важное.

— Запомни, тебе жаль не умерших, тебе жаль себя, иначе ты бы сказала себе: «Жизнь продолжается», но у тебя связаны ноги, и ты напоминаешь странника, замершего посреди безлюдной пустыни и не видящего выхода, но выход всегда есть.

Бессмертный посмотрел на пышный сад, прислушался к шуршанию фонтанов. Какая-то птица очень низко пролете-

ла над землёй и устремилась дальше на восток, где голубели горы, пребывая в состоянии торжественности и полного равнодушия ко всему, что происходило вокруг них во внешнем мире.

— Ты слишком сильно привязалась к Земле. Сейчас я расскажу тебе ещё одну притчу, чтобы ты поняла, что я имею в виду.

Притча о гречишном зерне

Однажды к Будде пришла женщина, упала к святому в ноги и разрыдалась, он поднял её с колен и спросил:

— Почему ты плачешь?

И она взмолилась.

— О, мудрейший, — причитала женщина, — боюсь, плечи мои не вынесут всей этой тяжести, ибо доля моя незавидна.

Вместо ответа Будда дал пришедшей к нему небольшой мешок, наполненный гречишными зёрнами.

— Перед тем, как ты придёшь ко мне во второй раз, — произнёс мудрейший, — раздай каждому, кто счастлив и не страдает по одному гречишному зерну.

Женщина была удивлена, так как она ожидала, что Будда начнёт вразумлять её, давать наставления, как и все Великие Учителя человечества, а вместо этого он просто вручил ей какой-то мешок с зёрнами.

Однако она смиренно ушла и стала ходить сначала

по домам своих родственников, затем знакомых, затем друзей и тех, кого она совсем не знала. У всех тех, кто встретился ей, были несчастья и проблемы в жизни. Поэтому через год она снова пришла к Будде и принесла с собой по-прежнему полный мешок.

— И что же теперь ты скажешь? — спросил святой, обратившись к ней.

— Ты воистину очень мудр, — сказала женищина, — я очень сильно привязалась к своим страданиям, не обращая внимания на страдания других людей. Ты многому научил меня, и я благодарна тебе за это.

Её глаза на сей раз наполнились слезами умиления и благоговения.

— Послушай меня, — произнёс святой, — я решил преподать тебе один очень важный урок. Если человек сильно привязывается к себе, своим печалям и радостям, они заполняют целиком всю его душу. Печали превращаются в невыносимые страдания, а радости уже не ощущаются во всей полноте, потому что человек постоянно думает о них, и от этого он уже не свободен. На самом деле людей окружает благословенный огромный мир, и он готов сделать их счастливыми, стоит лишь пойти ему навстречу. Однако когда человек привязывается к чему-либо, он отворачивается от богатого мира, созданного Богом, и замыкается в своём маленьком ограниченном уютном мирке. Это происходит от людской ограниченности. В следующий раз, если ты забудешь мои слова перед тем, как придти ко мне со

скорбью, оглядись вокруг, протяни руку помощи кому-нибудь, и увидишь, как сама Вселенная поможет тебе.

С тех пор эта женщина стала ученицей и последовательницей великого Будды. Он преподавал на самом деле ей сразу несколько уроков:

— не привязывайся ни к чему недолговечному, этим ты лишь увеличишь свои страдания;

— раскрой себя окружающему бытию, не уподобляйся глупцу, замурованному в созданные им же самим рамки;

— преодолей свой страх, ибо на самом деле вокруг страха не существует, он — в тебе самом, он заставляет тебя страдать.

— Страх? — удивилась Олимпия.

— Да, твой страх. Есть много его разновидностей: страх смерти, страх потери близких, страх остаться в одиночестве, только люди не понимают, что всё это — СТРАХ. Да, твой отец был предательски убит, но он вряд ли одобрил бы твоё страдание. Преодолей свой страх.

Асфальт возле фонтана был усыпан осколками разноцветного стекла, очень похожего на то самое стекло, из которого в средние века на Земле искусные мастера делали витражи к соборам и храмам. Олимпия подняла несколько осколков, сжала их в руке.

— С кем это ты разговариваешь?

Олимпия посмотрела в ту сторону, откуда раздавался голос. Перед ней стоял мальчик примерно её возраста с густой

шевелюрой белокурых волос в красной футболке и шортах.
— Я?..

Олимпия растерялась — Бессмертного нигде не было, и это её удивило. Во второй раз он внезапно появлялся и внезапно исчезал.

— Я только что слышал, как ты с кем-то разговаривала.

Мальчик поднял с земли несколько стёкол, посмотрел через них на слепящее Солнце. Здесь на Меркурии оно выглядело иначе, чем на Земле. Оно было намного больше в размерах, и цвет его был насыщенно-жёлтым. Затем он направил стекло на смутившуюся от неожиданного вопроса Олимпию.

— Ты — дочь легендарного Командора Артура?

— Да. А ты кто?

— Меня зовут Теодор Лидьярд Младший. И всё-таки, с кем ты только что говорила?

— Ни с кем.

— Значит, у меня слуховые галлюцинации.

— Возможно.

— Раньше за собой никогда такого не замечал.

Теодор протянул Олимпии свои стёкла.

— На, возьми, здесь их очень много.

— Это — обычное стекло? — спросила Олимпия, внимательно изучая каждый кусочек.

— Нет, отец рассказывал, что «стёкла» являются разновидностью минералов нашей планеты. Их находят в горах.

— Они очень красивые.

Теодор кивнул.

— Отец говорил, что какое-то время ты поживёшь у нас.

— Твой отец помог мне, и я рада, что на Меркурии у меня много друзей.

— Я — один из них.

Наступило молчание, перебиваемое усыпляющим шумом воды.

— Знаешь, через два дня у нас намечается торжество в честь Командора, приглашено много гостей, которые хотят увидеть приготовленный отцом сюрприз.

— Сюрприз? Какой сюрприз?

— Этого я не знаю.

Теодор широко улыбнулся, и в его зелёных меркурианских глазах загорелись маленькие искры огоньков.

— Итак, будем знакомы?

— Будем.

— Хочешь я покажу тебе наш сад и дворец?

— Неужели ты живёшь с родителями в таком огромном дворце?

— Я живу здесь с отцом.

— А твоя мама?

Теодор опустил голову, лёгкий ветерок чуть тронул кудри, зной с каждой минутой усиливался, день обещал быть слишком жарким. Хотелось поскорее спрятаться где-нибудь в тени и выпить охлаждённую колу. Как бы это было кстати

сейчас!

— Моя мама умерла, когда я был ещё маленьким, — сдавленным голосом произнёс Теодор.

— Прости... Я не хотела, я не знала.

— Я почти не помню её, но говорят, она была очень красивой.

* * *

...С приездом Теодора Старшего во дворце стали появляться незнакомые Олимпии люди. Все они отличались друг от друга цветом волос, кожи, глаз, будто все оттенки радуги собрались в одном месте. Кое-кого Олимпия встречала на прошедших вечеринках и светских приёмах во дворце королевы Леминии, они были одеты в спецодежду — комбинезоны служащих Галактического Братства. Это были марсиане, юпитерианцы, даже несколько отчуждённые и замкнутые жители Сатурна. В последнее время между Сатурном, Землёй и Содружеством планет Третьего и Четвёртого Поясов отношения заметно потеплели. С Сатурна на Меркурий завозились редкие виды металлов, отличающиеся прочностью и упругостью. Именно из этих металлов изготавливались корпуса межзвёздных, как грузовых, так и пассажирских лайнеров, курсирующих непрерывно с одной планеты на другую.

Гости располагались в специально отведённых для них

комнатах. Среди них Олимпия не встречала ни старину Ги, ни любителя креветок Густава Милера, будто они провалились сквозь землю. Приглашённые на торжество по вечерам выходили в сад, прохаживались вдоль аллей, смотрели на фонтаны и говорили между собой.

О чём были эти разговоры, Олимпия не знала. Всё время, отведённое для приготовления к предстоящим торжествам, она старалась быть одной. Иногда после ужина к ней заходил Теодор Младший, и они долго шептались.

— О чём ты мечтаешь? — спросил как-то Теодор.

Олимпия пожала плечами.

— Не знаю. Наверное, больше всего я хочу куда-нибудь улететь далеко-далеко.

— А я хочу поступить в Космошколу Земли, правда, там очень сложный экзамен, но, думаю, что я выдержу его.

Олимпия вспомнила, как она пролетала мимо Школы с эмблемой Земли. Тогда у неё возникли сложные чувства, но она точно знала, что нечто неосязаемое связывает её со Школой.

— Мне сказали, что Земля — умирающая планета. Когда я слышала это, я представила себе, что она — маленькое беспомощное существо, нуждающееся в любви и понимании.

— Ты веришь, что Земля — не просто планета, но и живое существо?

— Верю.

— И я верю. Я верю, что однажды Командор даст о себе знать.

— А я не верю... не могу поверить, что он погиб.

...В самой большой зале дворца был накрыт длинный стол со множеством аппетитных блюд на золотых и серебряных подносах. Здесь были представлены национальные кухни Меркурия, Венеры, Земли, Марса, Юпитера, Сатурна, Урана, Плутона.

На Нептуне пока шла братоубийственная война, но даже несмотря на это сюда прилетели представители, симпатизирующие Движению Сопротивления — генерал Роберт Альянски и его помощник Сидней Мудрый. Мудрым этого человека прозвали за умение принимать правильные и единственно возможные решения. Роберт был высоким подтянутым военным волком в голубом комбинезоне Армии Нептуна, как и его помощник.

Стол был организован таким образом, что ты мог в любое время подойти и взять, что тебе больше всего понравилось: бутерброды, салаты, горячие блюда, устроиться где-нибудь возле балкона и, не спеша, есть, поглощая изысканные яства.

Среди гостей сновали швейцары в нарядных лиловых лифтах, украшенных позолотой с подносами, уставленными конфетами в блестящей фольге, шоколадом, пирожными и алкогольными напитками. Со всех концов раздавалась классическая музыка, будто здесь был камерный оркестр.

Олимпия была одета в специально заказанное и сшитое

по этому случаю платье по моде 19 века с глубоким декольте и длинным шлейфом. Её тонкую детскую шею украшало алмазное кольцо, принадлежавшее некогда великой Екатерине II — российской императрице 18 века; длинные чёрные волосы были убраны на затылок, а с висков свисали кудрявые букли.

Теодор выбрал костюм Зорро, только на его зелёных глазах не было маски. Они стояли вдвоём в стороне от всех возле картины в золочёной раме, изображавшей пейзаж на Марсе. Пустынная красно-оранжевая поверхность Марса постепенно переходила в холмы. Они закрывали собой бескрайнее розовое небо. Всё это очень сильно напоминало когда-то бывшую безлюдной Сахару. Теперь спустя века Сахара считалась самой плодородной частью Земли после того, как прибывшие сюда добровольцами с радиогалактики Лебедь были вырыта каналы. За это добровольцы в качестве компенсации получили возможность поселиться по поймам новых возникших рек и каналов, чтобы возделывать сады и выращивать урожаи фруктов. Увы, центуриане вскоре выжили их, и отныне Сахара стала полудикими джунглями.

Чуть дальше на соседней стене висели другие картины, на которых художники запечатлели виды с Юпитера, Венеры и ещё ряда планет Четвёртого Пояса.

На старинный манер повсюду горели свечи в тяжёлых золотых канделябрах, а незадачливые слуги разносили гостям мороженное. Создавалось впечатление, что ты попал в

прошлого Земли, если не считать современные технические «штучки».

Дочь Командора с аппетитом поглощала мороженное, а Теодор пил лимонад из одноразового пластикового стаканчика. Двенадцать огромных люстр из редких пород горного хрусталя, вывезенных с Земли, украшали парадную залу, специально предназначенную для торжеств. Из неё вышел премьер-министр Меркурия в элегантном строгом костюме времён Людовика XIV в сопровождении большой делегации. Олимпия проглотила порцию холодного мороженного:

— Смотри, Теодор, кажется, твой отец направился в нашу сторону.

— Вероятно, он хочет представить тебя гостям.

— Как бы мне хотелось сбежать отсюда и спрятаться где-нибудь, чтобы никто не нашёл меня. Но здесь столько комнат и зал, что я заблужусь в них.

— Я буду твоим проводником и экскурсоводом по замку, — предложил Теодор, — мы действительно можем убежать. Идём со мной, я знаю одно укромное местечко.

Теодор протянул руку, однако Олимпия отстранилась от него:

— Нет, это будет невежливо по отношению к твоему отцу и ко всем, кто присутствует рядом с ним.

Неожиданно они были окружены со всех сторон.

— А теперь разрешите вам представить дочь Командора — нашего лидера и кумира, мисс Олимпию Крейг.

Олимпия покраснела оттого, что на неё смотрели все эти люди, которых она почти не знала. Она сделала лёгкий реверанс, как когда-то фрейлины её величества Екатерины демонстрировали дворцовый этикет.

— Олимпия, надеюсь, Вы не испытываете неудобств в моём доме. На днях мы подыщем Вам новое жильё, а эти люди, — Теодор Старший показал на свою делегацию, — изъявили желание помочь Вам, предоставив в личное пользование один из своих особняков. Вам только предстоит выбрать из предложенного.

Две дамочки в цветастых комбинезонах, похожие друг на друга, как две капли воды, но отличающиеся по цвету волос (у одной — ярко-рыжие, у другой — голубые) восхищённо посмотрели на Олимпию. Это были юпитерианки, они называли друг друга Рэкки и Бэкки.

— Дорогая! — воскликнула рыжеволосая, — мы так рады видеть Вас здесь среди нас. Мы счастливы, что Командор оставил после себя дочь, которая, мы убеждены, продолжит начатое им дело. Скажите, Вы не желаете полететь с нами на Юпитер? Мы были бы очень рады помочь дочери легендарного Артура.

— Нет-нет, мисс Олимпия будет жить в моём доме! — кто-то возразил юпитерианке.

Начался спор, и каждый старался перекрычать остальных.

— Послушайте! — Олимпия повысила голос, и разом всё вокруг стихло, — Я, конечно, очень благодарна вам, но в лю-

бом случае выбор останется за мной.

Теодор замахал руками.

— Тише, господа! Да, Олимпия права. Она сама выберет то, что ей придётся по душе.

Вдруг за окном послышалось несколько вспышек, и в небе заискрилась надпись, состоящая из ярких огоньков: «Да здравствует Командор!» За ней вспыхнула вторая надпись: «Мы будем помнить тебя!»

Гости захлопали в ладоши.

— Да здравствует Артур Крейг!

— Да здравствует Командор!

— Вечная память Командору!

В небе снова вспыхнул огненный шар и распался на множество мелких искорок, что вызвало очередной возглас восхищения.

Когда, наконец, фейерверк завершился, Теодор Старший произнёс:

— Господа, сейчас мы находимся здесь, на Меркурии, но одновременно у нас есть возможность почтить память нашего друга.

Швейцар-биоробот в красной ливрее с галунами подошёл к нему и вручил пульт на подносе. Взгляды всех присутствующих устремились на экран. На нём замелькало бархатно-чёрное пространство Космоса. Эллипсовидная Земля была окутана мутным облаком атмосферы. Вдоль по её орбите «плавали» букеты цветов, выброшенные из лайнеров по-

клонниками Командора. К цветам были прикреплены плакаты: «Вечная память Артуру Крейгу!»

Лица присутствующих стали серьёзными, кое-кто даже прослезился. Бэкки, расчувствовавшись, подошла вплотную к Олимпии и шепнула ей на ухо:

— Малышка, меня всё же не оставляет надежда, что ты прилетишь на Юпитер и какое-то время погостишь у нас с Рэкки. Ты была когда-нибудь на Юпитере?

— Однажды, но я ничего не помню, потому что это было очень давно, когда...когда были живы мои родители.

— Бедняжка, я и Рэкки могли бы заменить тебе их, хоть мы и понимаем, что это практически невозможно.

— Господа, а теперь настало время показать вам сюрприз. Знаю, вы горите желанием увидеть то, что я собирался вам показать. Идите за мной!

Теодор Младший подскочил незаметно к Олимпии и протянул ей свёрток.

— Что это?

— Я стащил со стола кое-какие вкусности, чтобы мы могли где-нибудь перекусить.

— Перекусить?

— Тебе ведь хочется убежать от этого многолюдного собрания. Я прав?

— Я действительно мечтаю как можно быстрее исчезнуть, они напоминают мне о смерти отца.

— Тогда вперёд.

Он сжал ладонь своей новой подружки, однако в этот самый миг премьер-министр подхватил Олимпию и увлёк за собой. Она не заметила, как оказалась вместе с остальными на округлой площадке в глубине сада.

Вокруг площади были посажены пышные клумбы с цветами, а в центре на возвышении колеблемый ветром кусок ткани скрывал то, что привлекало взоры гостей. Премьер-министр кивком головы подозвал к себе биоробота в красной униформе. Когда тот подошёл, Теодор Старший что-то шепнул ему, биоробот закивал.

— Что сейчас будет? — спросила Олимпия.

— Ты всё увидишь сама.

Биоробот подошёл к возвышенности и одним движением руки сбросил материю. Возглас удивления пробежал по рядам гостей, кто-то даже захлопал в ладоши. А сердце Олимпии сжалось. Там, на мраморном постаменте в неподвижной позе стояло изваяние Командора. Оно было сделано из розового камня, но Олимпия не узнала своего отца. Это было лишь его подобие, да и то очень отдалённо напоминающее живой облик лидера Сопротивления. Посмотрев на премьер-министра Меркурия, она встретила ответную улыбку на его загорелом лице.

— Тебе нравится?

Её прекрасные голубые глаза наполнились слезами, Олимпия уронила голову на ладони и зарыдала.

— Что-нибудь случилось?

Присутствующие зашептались.

— Это. это не мой отец.

Теодор Старший глубоко вздохнул, вытер потный от жары лоб.

— Прости, я хотел как лучше... Это была не только моя идея.

— Отец, если тебя интересует, что я думаю по этому поводу, — произнёс Теодор Младший, — то я считаю, что Олимпия права. Мне было бы точно так же, как и ей видеть тебя каменным идиолом.

— Кто говорит об идолопоклонстве? — возразил Теодор Старший.

— При чём тут идолопоклонство? Просто речь идёт о погибших родителях и их оставшихся одинокими детях.

Теодор Старший покачал головой:

— Надо же, я совсем не заметил, как ты повзрослел. Но одно знаю точно: ты рассуждаешь уже не как десятилетний мальчик.

— Дети становятся взрослее намного раньше, чем вы — взрослые, ожидаете от нас. Вы уверены, что наши головы забиты космическими играми, а на самом деле это далеко не так. И тогда вы начинаете прислушиваться к нам. Извини нас, отец, но мы с Олимпией хотели бы сейчас уйти.

— Уйти?

— Иногда бывает очень полезно отдохнуть от многолюдной толпы.

Теодор взял за руку Олимпию и на глазах у ничего не ожидавшей публики повёл её в сторону воздухолёта.

Воздухолёт был ярко-зелёным глянцевым, на его гладкой поверхности запечатлелось сразу несколько ослепительных бликов. Здесь на Меркурии Солнце было особенно сияющим по сравнению с земным.

Олимпия смотрела вниз на обширные разворачивающиеся перед ними пейзажи, покрытые разноцветной растительностью. Помимо основного зелёного цвета здесь также присутствовали оттенки лилового, розового, оранжевого и алого цветов. Олимпия совсем не испытывала страха, несмотря на то, что воздухолётом управлял Теодор, хотя раньше до сего дня она всегда находилась рядом с опытным водителем, и в основном это был Александр, редко кто-нибудь из личной охраны Командора, которой он не так часто пользовался, или специально обученный биоробот.

Олимпии нравилось смотреть вниз, у неё немного кружилась голова и звенело в ушах от переизбытка впечатлений. С ней столько всего произошло за этот день: она увидела Меркурий во всей его красе (по сравнению с Землёй это была цветущая планета с относительно благоприятным климатом, если, конечно, не считать слишком знойного Солнца, зато ночью твой организм получал изрядную порцию прохлады); она побывала в доме премьер-министра, и человек этот был совсем не напыщенным по сравнению с высокомерными надутыми, как индюки, землянами и пришельцами с далёкого

Центуриона; она увидела каменное изваяние своего отца, и ей стало от этого не по себе.

И вот теперь она сидит здесь почти на самом краю земли рядом со своим новым другом и мечтает неизвестно о чём.

Теодор развернул складывающийся автоматически электронный поднос, специально предназначавшийся для пикников прямо на лиловой траве (на Меркурии почти вся мелкая растительность была лилового цвета, и от этого планета приобретала своеобразный внешний вид). Затем сын премьер-министра положил пакет и по очереди стал доставать оттуда пластиковые тарелки с упакованными в них блюдами. Он аккуратно расставлял их на подносе, и вскоре всё это стало напоминать настоящее торжественное угощение. В одной из тарелок лежали красные раки, недавно пойманные с вод Земли и отправленные на Меркурий каким-нибудь давним поклонником Командора. На обычном подносе Олимпия увидела с десятков мороженных с абсолютно разными начинками: фиолетовой, красной, розовой, оранжевой и бежевой. Рядом с мороженным лежала пицца с итальянскими спагетти и помидорами. Такую пиццу можно было приобрести за умеренную цену только в Италии и нигде больше как у известного итальянского повара мастера по пицце сеньора Паоло Монтинелли.

Олимпия лично знала Монтинелли, так как совсем недавно вместе с семьёй она обедала в его ресторане на Сицилии. Кажется, ресторан назывался «В гостях у Паоло» или как-

то ещё в этом роде. Как это было давно! Словно в прошлом веке, да и было ли. У неё осталось ощущение, что жизнь её начала новый отсчёт с середины, а что было до этого, уже не могло иметь никакого значения.

Тут же в разноразной лежали сладкие экзотические фрукты как с Меркурия, так и с других планет Солнечной системы. Она ещё не всё успела перепробовать, а ей просто не терпелось поскорее познакомиться со вкусами той планеты, где ей предстояло жить. Последнее, что Теодор вытащил из своего вместительного пакета, была дичь.

Олимпия взяла мороженное с апельсиновой начинкой и откусила маленький кусочек. Солнце начало медленно садиться за горы, а небо в этот вечерний час окрасилось наполовину в розовый, а наполовину в лимонно-жёлтый оттенки. Обычно на Земле голубизна плавно растворяется в красноте, здесь же всё было не так.

— Почему же это место ты назвал «удивительным»? — спросила Олимпия.

Вместо ответа Теодор показал пальцем на равнину.

— Смотри туда, и ты сама всё поймёшь.

Олимпия посмотрела вдаль. Равнина искрилась жёлтыми тонами, которые вдруг меняли коренным образом свой изначальный цвет и становились лиловыми, ясно-голубыми и изумрудными. Поэтому издали это смотрелось игрой цветов, как будто долина была живой, имеющей свой необычный характер. Она ахнула от подобной красоты и ещё в течение

нескольких минут созерцала увиденное только что. Меркурий приветствовал свою новую обительницу и с широко раскрытыми объятиями принимал её.

Глава 6. Розовый дом с гуанаго

*«Не ищи дом в окружающем мире, ибо он внутри
твоего собственного сердца».*
(Бессмертный)

Оператор-механик через определённые промежутки времени нажимал на кнопки, и на экране возникали друг за другом живые картинки, на которых появлялись дома, окружённые густой растительностью. Одни дома были двухэтажными хорошо оформленными с живыми изгородями, состоявшими из цветов, другие — одноэтажными без изгороди, третьи считались летними. Олимпия сидела рядом с Теодором Старшим и смотрела на экран. Свет был потушен, и вокруг царила темнота. Картинки не являлись фотографиями, они представляли собой кинокадры, словно ты смотрел фильм.

— Ну, как, нравится Вам? Надеюсь, Вы уже присмотрели себе дом.

— Мистер Теодор, я не знаю, как Вам сказать, но, увы, мне пока бы не хотелось покидать Ваш замок.

— Конечно же, Вы можете остаться в нём, но было бы лучше, если бы у Вас был свой дом, и Вы были бы в нём полноправной хозяйкой.

На экране возник миниатюрный домик с розовой крышей и такого же цвета стенами. Дом был окружён фруктовыми деревьями, которые Олимпия уже видела, и которые называ-

лись «гуанаго».

— Следующий, — произнёс Теодор Старший, и картинка на экране уже была готова поменяться, однако дочь Командора задержала его руку.

— Постойте.

— Вы выбрали?

— Это и есть гуанаго?

— Да, а Вы любите гуанаго?

— Очень, и перестаньте называть меня на Вы. Я намного моложе Вас, и гожусь Вам в дочери.

— Но ты не моя дочь, а дочь легендарного Артура, Великого Артура — основателя Движения Сопротивления.

Олимпия с интересом посмотрела на премьер-министра.

— Вы действительно так преклоняетесь перед моим отцом?

— А ты сомневаешься в этом?

— Теперь уже нет. Я вижу, Вы преданы ему так же, как и его делу.

Дочь Командора снова взглянула на экран, лёгкий ветерок прошёлся по густой листве, качнул несколько розовых сочных плодов.

...Розовый дом...розовое гуанаго...

— Я выбираю это жильё. Думаю, оно будет самым подходящим для меня.

— Да, честно говоря, мне он тоже нравится, хотя есть и другие неплохие варианты, но твой выбор — для нас закон.

Эй, Мартин, расскажи-ка о доме с гуанаго.

Помощник механика — молодой рыжеволосый парень в широких синих шортах и тёмно-зелёной футболке поднялся со своего места, взял указку и подошёл к экрану. Он показывал каждый фрагмент на экране и комментировал изображение.

— Дом на Меркури-стрит в пригороде Гермеполиса предоставлен мистером Райтом — коренным жителем Меркурия, активным участником Сопротивления безвозмездно. Мистер Райт испытывает глубокую симпатию к землянам. И потом, он является давним поклонником Вашего отца, мисс Олимпия, и когда-то даже сам лично был знаком с ним. Дом состоит из двух этажей: на первом этаже находится гостиная, прихожая, кухня и две веранды — для отдыха и для цветов. Здесь Вы сможете отлично провести время, наслаждаясь прекрасным видом из сада.

— Достаточно.

Олимпия закивала.

— Без всяких сомнений я выбираю этот маленький уютный розовый домик.

Некоторое время дочь Командора смотрела на экран, наблюдая за колышущимися ветками гуанаго.

— Хорошо, мои люди помогут перенести вещи и устроиться тебе на новом месте. Эй, Мартин, выключи проектор. Думаю, мистер Райт будет очень доволен.

— Как Вы считаете, его стоит пригласить на вечеринку в

честь этого?

Лидьярд улыбнулся, снова оголив свои безупречно белые зубы.

— Конечно, он будет безмерно рад.

— Но мне не хотелось бы, чтобы было много народа.

— Как скажешь.

* * *

Играла музыка, исходящая из многочисленных динамиков. Их установили заранее в доме, потому что решили не приглашать камерный оркестр. Эти всегда подтянутые люди в строгих чёрных фраках и белых накрахмаленных рубашках с бабочками производили хорошее впечатление на присутствующих, они играли на старинных инструментах, плавно водя своими длинными смычками по тонким струнам скрипок, они возвращали тебя в прошлую эпоху, когда женщины носили длинные атласные платья, обхваченные корсетами, а мужчины старались подчеркнуть, что они являются истинными джентльменами.

Теодор Младший и Олимпия стояли на балконе и смотрели вниз на сад. Олимпия ела мороженное, которое уже наполовину растаяло, несмотря на окружающую прохладу, исходившую от роботов-охладителей.

Тина с гордым видом переставляла вино на подносы и вручала их спящим туда-сюда швейцарам-биороботам. Окру-

жающее по всей видимости мало задевало её. Взгляд Олимпии остановился на Александре, который сидел в уединении под отдалённым деревом гуанаго. На этот раз он был без комбинезона, потому что вечером Меркурий изнывал от жары — по данным учёных экспертов активность Солнца усилилась многократно особенно за последний год — год основания Всегалактической Метеослужбы, и этот факт заставлял задумываться о будущем поиске других планет, пригодных для обитания людей. По предположениям учёных Солнечная Система просуществует ещё одну эпоху (т. е. 500–600 лет по делению астрономов), а затем её ждёт неминуемая гибель, представляющая собой распад атомов и всех элементов, из которых состоит плотное вещество планет.

Подобные новости несколько не удручали обитателей Солнечной Системы, главным образом потому что они просто не верили выкладкам экспертов. Они продолжали называть себя «Детьми Солнца» и поклонялись прежним богам.

Теодор посасывал сладкий коктейль через длинную «соломинку» из стакана. Коктейль представлял собой смесь разных экзотических фруктов Меркурия и считался одним из самых любимых «блюд» детей.

— Почему твой слуга так грустен?

Олимпия пожала плечами.

— Не знаю, наверное, он скучает.

— Скучает? Но ты же говорила, у него нет родственников.

— Он скучает по Земле точно так же, как и я.

— Ты ведь не думаешь возвращаться обратно, особенно когда власть на твоей планете целиком принадлежит мерзкому Айрону?

— Нет, сейчас нет, но в будущем я улечу, чего бы мне это ни стоило, это — моя родина, там мои корни.

— Ты действительно мечтаешь об этом?

Олимпия кивнула.

— Действительно.

Круглый диск оранжевого меркурианского Солнца казался ещё ярче, освещая близлежащую окрестность с мансардами и фруктовыми садами. Олимпия доела мороженное, бросила одноразовый стаканчик в пластиковое ведро для мусора и посмотрела на своего нового друга. Теодор Младший тоже оставил коктейль недопитым, незаметно для неё он обнял дочь Командора и поцеловал её в щёку. Она смутилась и отступила на шаг.

— Почему ты это сделал? Ведь мы же ещё дети.

— А ты знаешь, что ты очень красивая?

Она глядела на него своими чистыми голубыми глазами, слёзы застыли в них, затем они скатились по щекам и упали на балкон.

— Если б ты только знал, как бы мне хотелось повернуть время вспять. Но, увы, никто не властен над временем.

Капля горести наполнила окружающее развернувшееся веселье, никто из гостей, приглашённых на новоселье к дочери бывшего Лидера Соппротивления не мог понять, что про-

исходило в её детской душе в тот момент.

Теодор Лидьярд Старший, окружённый со всех сторон постоянно прибывающими в сад людьми, исполнял роль экскурсовода и водил всех по окрестностям нового особняка Олимпии с розовой крышей и гуанаго. Он уже строил планы дальнейшей работы Движения, видя в этом новые перспективы, препятствующие замыслам коварного Айрона. А Олимпия была далека от всего этого.

Она ловко сбежала по ступенькам в сад, оставив озадаченного Теодора на балконе одного, пересекла сад на глазах у изумлённой толпы новоприбывший, и, найдя укромный уголок в зелёной траве, повалилась на землю и зарыдала. Её не трогала ни изумительная музыка, ни обилие еды, ни большое число последователей её отца. Ей хотелось чего-то другого, что могло успокоить её страдающую душу, увы, она не находила этого.

Кто-то слегка тронул её за плечо. Это был Александр, который тоже не находил себе места.

— Мисс Олимпия, Вам плохо?

— Нет, Александр, просто...просто мне хотелось какое-то время побыть одной. Но каждый день я окружена таким большим количеством людей, что это мне никак не удаётся.

— Как Ваше зрение, мисс Олимпия? Вы уже видите?

— Да, и довольно неплохо.

Чернокожий слуга снял со своей груди тяжёлую цепь с за-

ветным символом Св. Алехандро и протянул её Олимпии.

— Возьмите это. Если Вам вдруг станет не по себе, Св. Алехандро наставит Вас на Путь истинный.

Она улыбнулась, на щеках по-прежнему заиграли детские ямочки, взяла протянутый ей символ и прикоснулась к нему.

— Круг с Солнцем и Орлом..., — пробормотала она, — что это означает?

— Солнце — символ силы, ведь без него мы не сможем существовать, Орёл — бог древних индейцев. Эта птица обладает большой гордостью и способна взлететь высоко-высоко в небо. Символ Алехандро помогает приобрести силу и уверенность, Мудрость и Забвение.

— Забвение? Но при чём тут забвение?

— Когда внутри твоей головы дорогие тебе воспомина-ния, это приносит боль. Если их нет, ты свободен от прошлого.

— И я хочу освободиться от прошлого.

Олимпия вложила в ладонь своего смуглокожего телохранителя знак Алехандро.

— Я знаю, тебе он очень дорог, но я поищу точку опоры в другом месте. Спасибо.

— Не отказывайтесь, мисс Олимпия.

— Нет, прости меня, я не могу принять этот бесценный дар от своего друга. С этого дня ты не слуга мне и можешь идти, куда хочешь.

Александр опустил голову, сжал кулаки, его кучерявые

волосы слегка волновались из-за нахлынувшего вечернего ветра.

— Я всегда останусь с Вами, мисс Олимпия. Моя жизнь будет лишена смысла без Вас... И даже если вы выгоните меня, я не сдвинусь с места.

4 года спустя

Меркурий, 2630 год

Пригород Гермеполиса

«Уважаемые жители Гермеполиса и гости столицы Меркурия! Сегодня, 17 июля, понедельник. Центральная передающая станция планеты Меркурий приветствует вас! С утра по сообщениям метеослужбы наблюдается ясная погода с незначительными краткосрочными дождями. Температура воздуха днём 44 градуса, ночью — 30 градусов по Цельсию. Влажность — 2–4 %. Мы приветствуем вас и желаем успешной работы и отдыха. А теперь в радиоэфире музыкальный час. Житель Сатурна Питер Берман передаёт привет своему приятелю с Венеры и просит, чтобы прозвучала любая романтическая мелодия. Что ж, не могу отказать нашему

постоянному слушателю. С вами я — Гера Первозданная. Оставайтесь на радиоволне «Солнечные Дети», и вы узнаете много потрясающих новостей.

Женский голос в радиоэфире умолк, вместо него раздалась приятная музыка, которая мгновенно распространилась на окружающее пространство маленького уютного домика с розовой черепичной крышей и гуанаго.

— Тина! Сделай тише!

Олимпия, как дикая кошка потянулась в своей кровати-кювезе с дополнительным обогревом. Правда, во время тёплых ночей необходимость пользоваться обогревом полностью отпадала, хотя иногда температура по ночам едва ли превышала $+10$ — $+15^{\circ}\text{C}$.

Она обнажённая поставила босые ноги на мягкий коврик, зевнула и быстро вбежала в кабинку душа. Огромное зеркало во всю стену отразило её миниатюрное стройное тело, чёрные волнистые волосы, собранные в пучок на затылке, придавали ей сходство с дикой амазонкой. Она распустила их, потрясла головой и взглянула на своё отражение. На неё смотрела задорная смуглокожая шестнадцатилетняя девушка с чуть раскосыми голубыми глазами и очерчивающими их тонкими полосками чёрных бровей. Олимпия подмигнула себе, ей явно понравилось то, что глядела на неё по ту сторону зеркала — недаром в детстве многие обращали на неё внимание, когда она беззаботно гуляла по улицам Ассинии. Дочь Командора приветствовала жителей столицы с разве-

шанных повсюду красочных плакатов.

Толстая струя душа целиком окутала обнажённое тело юной красавицы. Олимпия нанесла каплю шампуня на уже влажные волосы и размазала его по всей голове, её нос тут же уловил аромат лаванды и базилика.

Олимпия вскрикнула от нахлынувшей на неё волны свежести, ей так сильно захотелось босиком пробежаться по росистой траве, что она едва не искусала до крови губу, она слишком давно не была на Земле. Последние капли воды стекли с её гладкой бархатистой, как у младенца, коже.

Радиоэфир всё ещё громко гудел.

— Тина! Что ты приготовила сегодня на завтрак?

— Мисс Олимпия, мне кажется, Вам и так известно, что я подам.

— Конечно же, моё любимое гуанаго, и потом, не забывай, что меня зовут отныне не Олимпия, а Джования Марсело.

— Ну, я-то знаю, что Ваше имя — Олимпия Крейг.

Олимпия выдавила из тюбика зубную пасту на щётку и начала чистить зубы. Через пять минут она посвежевшаяся с махровым полотенцем на плече с мокрыми волосами выскочила из душевой комнаты и открыла окно, выходящее в сад. На неё пахнуло волной свежего воздуха, насыщенного нектаром. Одним движением руки она скинула полотенце с плеч на пол и подошла к окну. Из комнаты-кухни вышла в своём неизменном толстом красном шарфе Тина с подносом, на котором, стоял единственный столовый прибор и ваза с

только что сорванными плодами гуанаго.

Завтрак состоял из салата и бутербродов с освежающим напитком гамелии — растения, найденного только лишь на Меркурии и чем-то напоминающего земной чай. Однако по своим свойствам он оказывал кроме тонизирующего ещё и эффект эйфории, не вызывая привыкания.

— Вам куда ставить Ваш завтрак?

— Как обычно, на стол.

Тина нахмурилась.

— Вот и сегодня Вы завтракаете слишком поздно, мисс Олимпия.

— Я привыкла есть ближе к десяти часам.

Олимпия снова взглянула в сад, пытаясь кого-то там найти.

— А где Александр?

— Он собирает к обеду гуанаго.

— Милая Тина, сколько раз я просила тебя подавать два прибора, а не один! Запомни, Александр отныне не мой слуга, а мой друг.

— Но в моей памяти он числится, как Ваш личный телохранитель.

— Ах, да, я совсем забыла, тебя нужно перепрограммировать. Как жаль, что ты — не человек.

Тина опустила голову с пучком чёрных волос, собранных на затылке, отвернулась, давая тем самым понять, что ей не совсем приятны слова своей юной хозяйки.

Дочь Командора нежно провела рукой по жёстким, сделанным из синтетики, волосам няни-японки.

— Прости меня пожалуйста, моя бедная Тина, я совсем не хотела обидеть тебя. Просто...просто так получилось.

Глаза Тины упорно продолжали глядеть в пол. Олимпия запечатлела короткий поцелуй на шее своей подданной «гувернантки».

— Ну, хорошо, я виновата, я считаю, что на самом деле биороботы намного человечнее нас, людей. Это неправильно, что правительство, в том числе и межгалактическое, относится к вам так.

Верхние уголки губ Тины приподнялись в полуулыбке, она ответила на объятия своей воспитанницы — её левая рука скользнула вдоль спины Олимпии.

— Мисс Олимпия, Вы же знаете, биороботы не могут обижаться, мы должны быть смиренными и исполнительными. Во всяком случае, такое требование предъявляет к нам Галактическое Братство.

Дочь Командора поцеловала холодную щёку няни.

— Успокойся Тина, всё равно я не брошу тебя. Ты и Александр — самые дорогие для меня люди. Да-да, я говорю, именно «люди», и это действительно так. В глубине души я никогда не считала тебя биороботом.

В обеденную комнату вошёл Александр с большой корзиной, до верху наполненной гуанаго. Он сильно изменился за четыре года: часть кудрявых волос стала седой, словно её

припорошили инеем. Однако его торс сохранился стройным и подтянутым. Заветный символ Св. Алехандро сверкнул в лучах ярко сияющего Солнца и погас тотчас же. Олимпия зажмурилась. Она поцеловала своего бывшего телохранителя и обняла его так, как привыкла обнимать отца.

— Здравствуй! Если б ты только знал, как долго тянулась эта ночь. Слава богу, сегодня мне не снились ужасные сны. Садись, и мы будем завтракать. Ты хочешь есть?

— Я не успел проголодаться, мисс Олимпия.

— Опять наелся фруктов из сада?

Александр кивнул.

— Но тебе нужно полноценно питаться.

— Не беспокойтесь на этот счёт, мисс Олимпия, я и так достаточно полон сил. Угощайтесь лучше.

Тина пожала плечами.

— Не понимаю я людей, сначала они говорят одно, затем другое, а в итоге делают третье. А потом жалуются, что у них плохое здоровье. Однако я получила команду и должна её выполнить.

Она поставила дополнительный прибор перед Александром.

— И всё же, я настаиваю, — произнесла Тина.

Дочь Командора провела по седым прядям его волос.

— Ты немного постарел, а я стала почти взрослой.

— Но ничего не изменилось.

Александр откусил бутерброд, запил его соком.

— А Вы, Вы не собираетесь сегодня завтракать? — Тина вопросительно посмотрела на юную воспитанницу.

— Конечно же, собираюсь, и большое спасибо тебе за то, что ты так сильно заботаешься обо мне.

Мнимая Джования Марсело послушно открыла крышку тарелки и нашла на её дне знаменитые водоросли с Большого Солёного Моря в центре Меркурия.

Эти водоросли были ценны многим. Во-первых, они излечивали человека от болезней, во-вторых, при употреблении их в пищу у человека менялось цветовое видение. Все окружающие цвета он воспринимал ярче, насыщеннее, но подобное сохранялось очень ненадолго.

— Тина, ты приготовила мне водоросли?

— Но Вы же их любите.

Не успела Олимпия попробовать первую порцию «завтрака», как её нос уловил запах озона. Флуоресцирующий экран испустил яркое свечение. На нём возник силуэт молодого человека с густыми светлыми волосами и зелёными глазами в оранжевой форменной одежде курсанта первого курса Космологической Школы Меркурия. Он находился внутри просторной комнаты, со всех сторон обитой искусственными пластинами, имитирующими алюминий.

— Здравствуй, Лимпи!

— Здравствуй, Тео!

— Как ты?

— Всё о кей.

— Я хотел бы позвать тебя в зоопарк. Знаешь, я уже купил билеты.

— В зоопарк?

— Ну, да, ты же как-то хотела пойти в зоопарк, чтобы посмотреть животных, которые обитают на Меркурии. А тем более сегодня там будут и представители дикого мира с Сатурна, Юпитера и Венеры.

— Так это замечательно! Конечно же, я пойду. Но сначала я должна через трансмиттер побывать в противоположном конце Меркурия, мне нужно навестить мисс Викторию.

— Ты носишь ей гуанаго из своего сада?

— Да, потому что она говорит, мои гуанаго намного вкуснее и слаще тех, которые растут возле Побережья.

...Мисс Виктория считалась типичной юпитерианкой (во всяком случае, она считала себя таковой, хотя по большому счёту о «типичности» говорить не приходилось, так как все обитатели Третьего и Четвёртого галактического поясов являлись переселенцами кроме старушки Земли). Просто многие из них заселили галактику раньше, другие позже. «Мои предки из тех, кто были пионерами», — любила говорить «МИСС».

У неё были фиолетовые волосы и зелёная с чешуёй кожа, а её глаза большие и округлые выражали столько глубины, такую неповторимую гамму чувств, как ни у кого из тех земных представителей, которых довелось раньше видеть Олимпии. Она жила в отдельном доме с коврами и зеркалами по-

всюду, потому что очень любила изысканность и простор. К гуаного она пристрастилась давно, а возможно искала обычных поводов для поддержания отношений и знакомств.

Войдя в Гермеполисе в кабинку трансмиттера через пару секунд Олимпия уже вышла на побережье, или, как его называли местные жители, «Побережье Большого Солёного Моря». В чём заключался подобный «секрет» никто из обывателей доподлинно не знал. Учёные утверждали, что это происходило в результате т. н. «трансмoleкулярного перемещения» — т. е. все составляющие микрочастицы объекта полностью собирались заново, однако во время подобного процесса никто ничего не чувствовал и не ощущал. Единственное, трансмиттер «не срабатывал», если ты не предъявлял карту со своим генетическим кодом. Она считалась своего рода пропуском. Необходимость составляла в том, что без генетического кода твои элементарные частицы «рисковали» так и остаться в пространстве без сборки, и ты жил бы только лишь в виде клеточной памяти. Но трансмoleкулярное перемещение было уже настолько обычным явлением, что никто не относился к нему, как к чему-то казуистическому.

Олимпия познакомилась с мисс Викторией во время отдыха на Побережье. Дочь Командора сразу заметила полную дородную продавщицу экзотических фруктов с многочисленными лотками. Увидев красивую девушку с горящими голубыми глазами и чёрными, длинными, слегка завива-

ющимися волосами, лицо мисс Виктории расплылось в добродушной улыбке.

— Мисс Олимпия Крейг! — воскликнула юпитерианка, — О, Вы даже не можете представить себе, как я рада Вас видеть.

Олимпия покраснела.

— Меня зовут Джования Марсело.

— Нет же! Вы и есть Олимпия Крейг.

Олимпия приложила пальчик к губам, огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что их никто не видит. Удостоверившись, что так оно и есть в действительности, загорелая голубоглазая землянка продолжала:

— Вы правы, я на самом деле Олимпия, но никто не должен об этом знать.

Она ещё раз огляделась.

— Дело в том, что Айрон и его сподвижники по всей Солнечной Системе разыскивают меня.

Мисс Виктория с пониманием закивала:

— Да-да, Айрон — мерзкий тип. Итак, юная сеньора Джования желает купить у меня эти сочные фрукты?

— Обязательно. Пожалуй, я возьму мандарин.

— Отличные мандарины, выращены прямо здесь, на Меркурии, впитавшие в себя всё обилие Солнца.

Она отвесила грудую ярких оранжевых плодов и протянула их своей симпатичной покупательнице.

— Держите, но почему Вы не хотите приобрести вот, на-

пример, эти симпатичные гуанаго? Настоящие меркурианские гуанаго!

— В моём саду они намного крупнее.

— К сожалению Побережье не лучшее место для гуанаго, здесь очень ветрено.

— Если хотите, я каждый день буду приносить Вам гуанаго из своего сада.

* * *

...Комната мисс Виктории была большой, светлой, уютной с мягкими вместительными креслами-диванами. По сторонам в центре располагался стеклянный столик на трёх ножках, где стояли вазы из горного хрусталя, наполненные свежими фруктами всевозможных цветов и оттенков. Вместо плоского потолка доисторических времён был шаровидный купол из небьющегося стекла. Через него просвечивало всегда почти ясное голубое небо с единичными дымчатыми облачками. Климат в районе Побережья отличался тёплой погодой без осадков с повышенной влажностью.

Олимпия плюхнулась в кресло и положила на стол полный контейнер гуанаго, тщательно упакованный Тиной. Однако взглянув на обеспокоенное лицо мисс Виктории, она вопросительно посмотрела на неё.

— Что-нибудь случилось?

— Читай, дорогая.

Юпитерианка протянула пластиковый компакт-диск. Олимпия нажала своими миниатюрными пальчиками в том участке диска, где было указано стрелками. Тут же в центре комнаты возникла голограмма. Это была одна из листовок, присланная целой партией с Земли. Листовка состояла всего из одного предложения, напечатанного крупным шрифтом: «Дочь предателя Крейга жива!» Внизу размещалась голографическая фотография с подробными данными. Олимпия ещё раз взглянула на юпитерианку.

— Ну, что ты скажешь на это?

Дочь Командора коснулась фотографического изображения. Тут же появилась колонка: вес, рост, возраст, сведения биографии.

Она покачала отрицательно головой.

— Нет, этого не может быть.

— И почему же?

— Но ведь сейчас я живу под чужим именем на Меркурии. В тот день, когда...случилась эта ужасная трагедия, — лицо Олимпии подёрнулось от воспоминаний, — остались сведения, что я погибла вместе со своими родителями. У меня и документы есть.

— Ну, и что тебе дадут твои документы? Теперь тебя ищут повсюду. Хорошо, что сейчас ты живёшь на Меркурии, здесь слишком агрессивно настроены на Айрона. Но ни в коем случае не смей отправляться на Землю, Сатурн, Плутон или Пояс Лазурита. Там полно нахлебников Айрона, ко-

торые только и ищут повода, чтобы ему угодить и получить повышение. И потом, дорогая моя, ты уверена, что никто из близких твоему отцу людей не окажется предателем?

— И вновь приходится возвращаться к этой теме, — Олимпия вздохнула, как бы размышляя про себя, — То есть, ты хочешь сказать, что этот «некто» доложил Айрону всю подноготную?

Мисс Виктория развела руками:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.